

Разитель

Владимир Михайлов

Кольцо Уракары

«Автор»

2000

Михайлов В. Д.

Кольцо Уракары / В. Д. Михайлов — «Автор»,
2000 — (Разитель)

Мастерство не пропьешь, даже злоупотребляя настоящим теллурийским арманьяком. А потому отставной агент Службы Безопасности со скромным именем Разитель, взявший на себя задание по розыску семян загадочной уракары, в состоянии поставить на уши не одну разведку миров Федерации, преодолевать космические пространства, отрываясь от преследования, покорить полдесятка женщин на разных планетах, при этом не изменяя жене, и мимоходом предотвратить кризис межпланетного масштаба, грозящий перерасти в галактическую войну. А начиналось все с визита прекрасной незнакомки...

© Михайлов В. Д., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Глава 1. Странное слово «уракара»	5
Глава 2. Семь бед	31
Глава 3. Десятка мечей в восьмом доме	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Владимир МИХАЙЛОВ

КОЛЬЦО УРАКАРЫ

Глава 1. Странное слово «уракара» (день событий первый)

На улице в полуденный час сентябрьского дня было приятно. Солнце пригревало ласково, армагские чинкойи, что выстроились в две шеренги вдоль тротуаров, источали, как и обычно, едва уловимый, но очень внятный и какой-то интимный запах; почему-то каждому казалось, что они пахнут именно для него и ни для кого другого. И хотя по проезжей части и над ней скользило и катило немало машин, воздух в расщелинах между домами производил впечатление первозданно чистого, не пропитанного духом горячих моторов. Я как-то слышал, что именно эти, уже лет десять тому назад завезенные с Армага тоненькими саженцами и как-то очень быстро выросшие деревья, их длинные, покрытые голубоватым пушком листья как бы фильтровали, очищали и облагораживали удушливую городскую атмосферу, которую издавна кто только не проклинал. Хотя непонятно было, откуда это удушье бралось при нынешнем уровне цивилизации; скорее всего оно было лишь воображаемым, унаследованным от мнительных предков. Так или иначе, оздоравливающие свойства армагских иммигрантов никем не оспаривались, и каждый, выйдя из дому, начинал дышать бодрее и глубже, чем в стерильном воздухе жилья. Видимо, эта благородная миссия и обеспечивала сохранность пришельцев из отдаленного мира, что при наших теллурианских нравах и обычаях было почти невероятным. Миссия, а вовсе не окружавшие каждый ствол заборчики из нержавеющей прутьев с овальной пластинкой на каждом: «Б.М. Альфред. Зеленый свет» – так называлась фирма, имевшая городской подряд на озеленение и, судя хотя бы по этим вот насаждениям, исправно его выполнявшая.

Да, столичные улицы стали уютными и приятными настолько, что даже не хотелось уходить с них, чтобы заняться делами, которых у каждого хватало. Или почти у каждого. Я, к сожалению, в это число не входил, находясь, как говорится, в простое и всем существом своим ощущая подступившее вплотную безденежье. Дома это ощущение угнетало; но стоило выйти из подъезда, глубоко вдохнуть воздух – и тяжесть сваливалась с души, начинало чудиться, что все обойдется, уехавшая на заработки Лючана (именно так зовут мою жену) подмолотит хоть сколько-нибудь, а там, глядишь, высшими силами востребуются и мои способности: как-то само собой, без всяких усилий с моей стороны найдется дело, соответствующее моим теперешним интересам, не такое, как прежние мои занятия, жестокие и грубые, – и мы снова заживем весело и безмятежно, как встарь.

Такие вот настроения возникали днем на улице. И я шлялся по городу вдоль и поперек, пока все нараставший голод не погнал наконец меня домой, где еще оставались кое-какие остатки съестного. Я возвращался к пенатам своим, вовсе не ожидая, что приближаюсь не только к своему жилью, но и к событиям совершенно неожиданным, достаточно интересным и еще более – неприятным и опасным.

Хотя приближение чего-то необычного можно было заподозрить уже по тому, как на этот раз встретил меня мой домашний Вратарь, в былые дни не раз оказывавший мне неоценимую помощь.

– Привет, – заявил он, едва я возник в прихожей. – Тебя тут искала женщина.

Вообще-то женщины не тоскуют по моему обществу. Не то чтобы у меня было что-то против них; напротив, напротив. Но я давно уже принципиально не завожу интрижек на стороне. Однако это могла быть заказчица; сейчас я был готов заняться даже составлением приворотного зелья (что считаю не самым достойным занятием), чтобы только дожидаться возвращения Лючаны, не начав пропитания ради распродавать свое барахло, мне более не нужное и уже отложенное в темном чулане. Тем более что в какой день и даже месяц вернется жена – мне, да и ей самой было совершенно неясно, как и то, в какой точке великой Федерации, иными словами, Галактики она сейчас находится. Даже ВВЛК – вневременная связь по личному коду – порой не может пробить канал в Просторе, и тогда приходит пора молчания. Такое же не раз случалось и со мною – мы с Лючаной издавна были коллегами и работали в паре, пока на меня не снизошло то, что я считал благодатью, Лючана же называла просто ленью. Хотя я полагал, что она слишком упрощает проблему.

– Женщина? Ну и что же она сказала? Готов поспорить – ей нужно отыскать пропавшую болонку.

– Она сказала...

Тут Вратарь включил запись, и я услышал несколько слов, приводить которые не стану по соображениям приличия.

– И все?

– Обещала зайти позже.

– Покажи ее.

Любой человек, стучавшийся в мою дверь, оставлял, хотел он того или нет, свое объемное изображение в памяти Вратаря.

Сейчас оно возникло на стене прихожей, превратившейся в экран, являвшийся, условно говоря, лицом моего охранителя.

Женщина была для нетребовательного вкуса ничего себе. По облику – лет под тридцать. Черты лица правильные, я бы даже сказал – красивые, но выражение – надменно-холодное. И сердитое к тому же. Длинные черные волосы, слегка подвитые на кончиках. Стройная фигура. Строгий костюм. На плече висит сумка, по объему не уступающая чемодану. И достаточно увесистая – судя по тому, как глубоко ремень вжимался в плечо.

Болонка? Вряд ли. Такие дамы если и держат собак, то бойцовых пород.

– Убери. И сохрани.

Вратарь повиновался. Спросил только:

– Ты дома?

Мы с ним на «ты»; дружим давно – с тех пор, как я установил его в намного лучшие времена. И он будет последним, что я продам, когда не останется другого выхода.

– Дома.

Подумав, я добавил:

– Но режим – строгий.

– Ясно, – откликнулся он и умолк, погасив свою физиономию.

После чего я направился жарить себе яичницу.

Но не успел даже вынуть сырье из холодильника, как Вратарь принялся активно мешать мне:

– Эта женщина снова вошла в дом.

(Одна из его камер сверху следит за подъездом. Роскошь, теперь уже ненужная, но я не отказываюсь от нее: такие штуки помогают мне сохранять хоть какое-то самоуважение. Все кажется, что я для кого-то все еще обладаю каким-то значением, не всегда положительным, и потому нельзя пренебрегать предосторожностями).

На этот раз те же слова, что давеча женщина, произнес я сам.

– Впустить?

– Если у нее все в порядке. Строгая проверка, забыл?

Очень уж не нравилась мне написанная на ее лице жесткость. С такими дамами бывает труднее разговаривать мирно, чем с мужиками. Слишком они эмоциональны.

– Ясно. Строгая проверка.

А она уже звонила у двери.

Сидя в моей приемной (она же по совместительству гостиная, кабинет и столовая в торжественных случаях), я внимательно наблюдал за поведением нежданной гостьи в проверочном тамбуре – так называлось у меня то, что обычно обозначают как прихожую. Дама виднелась сразу на четырех экранах: фронт, тыл и оба фланга. Никакое скрытое действие посетителя при таком обзоре не укрылось бы от наблюдателя – от меня. Тем временем она вела переговоры с Вратарем. Голос визитерши соответствовал облику: был слишком резок для дамы приятного облика. Вратарь же оставался, как всегда, вежливым и спокойным: гиперсхемы не ведают страстей.

– Цель вашего визита, мадам?

– Она конфиденциальна. Беседа с глазу на глаз.

– Прими, – негромко проговорил я в микрофон.

– Вас примут, – тут же отозвался Вратарь. – Будьте добры оставить сумку здесь.

Ее брови взлетели вверх, потом гневно сошлись над переносицей:

– Но она может мне понадобиться...

– Будьте добры оставить сумку...

Женщина поджала губы. Дыхание ее участилось. Я проходя отметил: у гостьи некоторые проблемы с коронарными сосудами. В ее возрасте – рановато... И состояние печени оставляет желать лучшего. Но это – ее проблемы: она ведь не к врачу пришла. Она же тем временем пристроила свой багаж в шкафу, который тоже был частью контрольной системы. Уважая женские тайны, я не стал включать режим просмотра содержимого. Пусть секреты остаются при ней – за исключением тех, конечно, которыми она захочет поделиться со мною. Что же касается самой гостьи, то Вратарь просмотрел ее без моей подсказки. Оружия не обнаружил, в том числе и нетрадиционного. Ну а врукопашную она со мною вряд ли сладит – если даже очень захочет. Что касается гипновнушений, то моя защита от них просто непробиваема.

– Впусти, – скомандовал я, погасил экраны и устроился за столом поудобнее.

Она вошла, и мне показалось, что температура в комнате сразу же поплыла волнами: жаркая полоса сменялась морозной, еще и еще раз. Я привстал даме навстречу (порой я бываю галантен) и указал на кресло, предназначенное для посетителей. Его начинка давала неплохую информацию о том, как меняется состояние гостя во время разговора и к каким его действиям следует быть готовым. Сердцебиение, потливость, уровень адреналина и прочая физиология. С материями более тонкими – теми, с которыми электроника не справляется, она для них слишком примитивна, – я при необходимости разбираюсь без помощи аппаратуры.

Но женщина не стала садиться; она остановилась рядом с креслом, оперлась локтем на его высокую спинку. Я сделал вид, что это меня ничуть не удивляет, и решил вести разговор в сугубо официальном ключе:

– Итак? Чем могу вам помочь? Вы уверены, что вам следует обратиться именно ко мне?

Прежде чем ответить, гостья обвела комнату взглядом. Я ожидал какого-то признака удивления: большинство попавших сюда удивлялись, ожидая совершенно другого. Эта же лишь изобразила намек на улыбку – или скорее усмешку: линия ее губ, несомненно, выражала нечто, очень похожее на презрение. Дама вроде бы сохраняла полное спокойствие, только жилка билась под кожей на длинной, красивой шее. Выражение глаз не изменилось – как бы

матовых, непроницаемых для большинства людей, странно неподвижных в незыблемом спокойствии. Обладатели таких глаз легко убивают. Но и их, бывает, тоже.

– Поп! – сказала она. – Надо же!

Она была не права: духовным лицом я ни в коей мере не являюсь. Но я не стал разубеждать ее. Пусть думает, как ей угодно.

– Мадам, повторяю вопрос: чем могу вам помочь?

– Вы? Думаю, что ничем.

Вот тебе на!

– В таком случае, что привело вас...

Она не позволила мне продолжить:

– Вам не кажется, что то, что вы пытаетесь сделать, так же безнравственно, как раздевать незнакомую женщину, даже не спросив ее согласия?

Между тем я всего лишь попытался войти в ее сознание, притом самым деликатным образом. Она, однако, ощутила это. Значит, имела неплохую подготовку. Дама-профессионал? Ну а почему бы и нет? Во всяком случае, ее попытка разобраться в моих мыслях, только что предпринятая, могла бы и увенчаться успехом – если бы я заранее не принял меры. Ладно, посмотрим, к чему это нас приведет...

– Прошу извинения, – сказал я. – Застарелая привычка, знаете ли. Мне просто показалось, что с вашей стороны последовало приглашение. Извините за ошибку. Итак – чего вы от меня хотите?

Она немедленно отчеканила:

– Мне нужно переговорить с Веригой.

– Очень хорошо. Может быть, вы объясните, кто это такой и почему вы ищете его там, где его нет и никогда не бывало?

На сей раз она выслушала меня до конца. И объявила:

– Вранье. Он здесь. И наверняка со своей группой.

– У меня не странноприимный дом, мадам. И я не сдаю комнат.

Она лишь мотнула головой, словно лошадка, отгоняющая слепня. Волосы всколыхнулись и снова упали на плечи.

– Детский лепет. Вы должны дать мне увидеться с ним. Это очень важно для всех. Я должна остановить его, прежде чем...

Тут вместо того, чтобы остановить его, она умолкла сама. Видимо, решила, что не должна обогащать мои запасы информации.

– Мадам! Я даю вам слово...

Неожиданно она усмехнулась снова:

– Слово Разителя, да?

Я сделал усилие, чтобы сохранить на лице выражение невозмутимости. Копаться в чужом прошлом и выуживать из него какие-то обрывки, на мой взгляд, так же непристойно, как нюхать грязное белье, которое носили не вы.

– Вот именно. Слово Разителя. Его всегда бывало достаточно для кого бы то ни было.

Похоже, она слегка заколебалась.

– То есть вы утверждаете, что его тут действительно нет?

– И не только это. Могу повторить еще, что я никогда не только не встречал человека с таким именем, но и не слышал о нем.

– Он изменил имя? – подумала она вслух. – Это не было предусмотрено.

– Если вам станет от этого легче, – предложил я, – могу показать вам все углы и закоулки моей скромной обители. Надеюсь, своим глазам вы поверите?

Женщина, так и не назвавшая своего имени, на моих глазах вдруг как-то опала, словно из нее выпустили воздух.

– Жаль... – пробормотала она скорее себе самой, чем мне. – А я надеялась... – Тут же она снова взяла себя в руки, выпрямилась, нахмурилась: – Обещайте, что, если он у вас все же появится, вы не сочтете за труд немедленно сообщить об этом мне. Меня можно найти...

Я выставил ладонь, словно защищаясь от ее слов:

– Я не даю обещаний такого рода и не принимаю подобных поручений. К вашему сведению, я давно отошел от дел, мадам. Могу обещать только, что о вашем визите тоже не станет известно никому, если вы только не выскажете иных пожеланий.

– Выскажу. Никому, кроме Вериги. Ему – да. Сейчас я уйду. Но если вы солгали...

– Проводить вас, мадам? – прервал я ее.

– Я найду дорогу, – ответила женщина надменно.

Она и в самом деле нашла. Я снова включил обзор, чтобы увидеть, как она уходит и не оставит ли после себя чего-нибудь такого: свертка или коробочки с зарядом и детонатором. Хотя, конечно, будь у нее в сумке нечто подобное, Вратарь вместе со шкафом не преминул бы поднять тревогу.

Уже в дверях женщина повела лопатками под облегающим жакетом – словно ощутила мой взгляд, хотя смотрел на нее лишь глазок камеры. Но не обернулась.

Дверь за женщиной закрылась. А я остался сидеть, пытаюсь собраться с мыслями, даже и не вспоминая о планировавшейся яичнице.

Верига. С чем его едят? Полное отсутствие ясности.

Заказ, между прочим, сорвался. Может быть, следовало предложить посетительнице разыскать этого типа и взять солидный аванс? Черт, как мне сразу не пришло в голову? Хотя – нет, все правильно: та жизнь прошла и не вернется. Аминь.

Так или иначе, я не стал относить странный визит к разряду серьезных событий. И снова стал печально рассуждать о плачевной ситуации, в какой находился и выход из которой все не подворачивался. Хотя я знал, что это, конечно, не так. Просто спасительная волна однажды вынесла меня на бережок, и я обсыхал на нем, в то время как мутная, грязная, избыливающая мелями и водоворотами река жизни продолжала струиться совсем рядом, неся людей неизвестно куда.

Так что когда зуммер местной связи, не ВВ, заворчал, я подумал было, что это просто ошибка – кто-то случайно залез на мою частоту. Я в этот миг находился в медитации: не знаю лучшего способа уйти от неприятных мыслей и переживаний.

На втором звонке мой на-все-руки-Вратарь вступил в разговор: любезно сообщил звонившему, что здесь – жилье имярека (у меня нет оснований скрывать свое имя), что названный имярек в настоящее время отсутствует и если у звонящего есть желание что-то сообщить, то пусть выкладывает, информация со временем будет доведена до сведения хозяина. Прервав медитацию, я благосклонно слушал, как умная схема отваживает того, кто, надо полагать, небрежно сработал на клавиатуре. В ответ я ожидал либо извинения за неточность, либо пары теплых слов, вызванных к жизни досадой на самого себя, после чего должен был последовать отбой. Я уже заранее великодушно простил его за ошибку.

И естественно, все получилось совсем не так.

Вместо извинений из аппарата донеслись слова, сказанные на диалекте то ли Симоны, то ли Стрелы-Второй – в общем, какой-то галактической Обояни. Я не филолог, и орфоэпические особенности разных углов Федерации меня не беспокоят, важна информация – та, что заключена в словах, а еще больше – в недомолвках и многозначительном молчании. То, что неожиданный собеседник безбожно путал глухие согласные со звонкими, меня не смущало.

– Уфажаемый Раситель, неопхотимо срочно перековорить с вами. Меня совут токтор Ферика. Мы только что припыли с Синеры...

Синера, конечно! А не Симона. А на Стреле с согласными все в порядке, вот гласные они глотают не разжевывая. Шпециалист!

Стоп.

Ферика?

«Токтор Ферика»?

А если перевести это на нормальную теллурианскую фонетику – что получится?

Доктор Верига, вот что.

Верига.

Так-так-так-так-так. Уже интересно. Что он там?

– ...сейчас находимся в терминале-три...

Терминал-три? Странновато. Прежде всего это означает, что прибыл он кораблем, вместо того чтобы воспользоваться внеурядицей. Уже это не назовешь нормальным. Далее: борта с Синеры приходят обычно куда? На Экваториальную платформу. Значит, летел он не рейсовым, а чартерным. Если он, конечно, прямо оттуда. Чартерный рейс – удовольствие не из самых дешевых. Видно, его действительно припекло. И даже не его, а их. Он ведь сказал: «Мы прибыли».

– ...прозвонка тошноты нас. Посвоним через два часа. У нас дело категории «Анни».

Анни! То есть – аннигиляция. Категория высшей угрозы. Кому? Что грозит? Или, точнее, кто?

Прежде, услышав такой сигнал – вопль о помощи, – я уже мчался бы сломя голову на выручку. Теперь – не то. Разитель отошел от дел. Но если где-то людям и в самом деле грозит серьезная опасность и они обращаются ко мне – вправе ли я умыть руки? Тем более что этого самого Веригу уже искала дама, и намерения ее были, похоже, не самыми миролюбивыми. Искала тут, у меня. Так что я уже как бы замешан.

А кроме того...

Я ощутил, как во мне возникает вдруг некая надежда. В комнате явственно запахло отбивными. Аромат хорошего заказа.

– Аллю! Верига! Постойте, не отключайтесь...

Обстановка на первый взгляд такова: тут их начали искать еще до посадки корабля. И конечно, продолжают. В чем дело – я, понятно, не знаю, но чутье подсказывает: оно из разряда необычных. Значит: чем меньше они наследят, тем лучше. Для них.

– Я дома, но у меня мало времени. Вы можете приехать быстрее? По внеурядице?

– Это пыло пы нешелательно. У нас свой транспорт. Так лучше.

(Его дикий акцент резал мне слух. Более не стану воспроизводить его.)

Ну да: на внеурядице надо удостоверять свою личность. Иными словами – назвать свой Личный Код, ЛК: номер, который присваивается человеку при рождении и сопутствует ему до самого конца. Один из без малого триллиона; примерно столько людей насчитывается сейчас во всех обитаемых мирах. Эти же не хотят нигде светиться. Ясно: потеря времени – выигрыш скрытности. А может быть, и не только ее.

– Понял. Что у вас: скользун? Коляска?

– «Бриз». Агрик. Так что мы даже не выйдем на улицу.

Ну, что же: «Бриз» – средство достаточно быстроходное.

– Жду. Меня можно найти...

– Ваше местонахождение нам известно.

Вот так. И отключились.

Через секунду-другую я поймал себя на том, что пытаюсь разглядеть координаты звонившего на дисплее, на котором они так и не появились. Этот Верига (вдруг стало чудиться, что я когда-то давно уже встречал это имя, вот не помню только – где) и в самом деле заботится о сохранении конфиденциальности.

Ладно. Так или иначе, остается достаточно времени, чтобы довести до конца медитацию. Вернее – начать с начала.

Улегся. Теплою. Тяжелею. Астральное тело отделяется, оставляя плоть бездвижной, лишь редко, равномерно дышащей. Ухожу...

Поднимаюсь по крутому склону, не щадя локтей и коленок. Во плоти никогда бы не отважился на такое. Первый слой облаков остался далеко внизу, сейчас предстоит пробиться через второй сквозь густой туман, в котором не различаешь даже собственных пальцев, судорожно вцепляющихся в малейшие неровности стены, теперь уже почти вертикальной. Но минуя второй слой неожиданно быстро. Вот и вершина. Пятачок, на котором устоять можно, но растянуться, чтобы отдохнуть, никак не удастся; сюда поднимаются не для отдыха. Над головой – густая, темная синева и пристальные, немерцающие звезды. Редкий случай: нет ветра, штилевой воздух кажется непроницаемым, как сама скала. Но это меня радует: благоприятный признак. Намек на то, что я, возможно, добирался сюда и не зря.

Теперь – последний этап: полет.

Облака, пик, сама планета – все остается далеко. Уношусь ввысь. Хотя теперь это уже не высь – неопределенное направление.

.....

– Я тебя звал несколько раньше. Ты опаздываешь.

– Прости, – смиренно отвечаю я. – Иногда приходится и задержаться – для важного разговора. Но мне по-прежнему необходимо если не увидеть тебя, то хотя бы услышать.

– Что тебя волнует?

– Ничего. Просто – услышать...

– Тогда помолчи.

А я и сам не решился бы сказать еще что-нибудь.

– Говорят о вечности, – слышу через какое-то время (тут его течение не ощущается). – И о конце света. Он будет, будет. Но не раньше, чем исчерпаются все комбинации, возможные в рамках этого творения. Для вас – это еще очень долго. Для Него – впрочем, для Него время вообще не существует.

Я не решаюсь спросить. Но после паузы Посвященный говорит и сам:

– Это не первое творение. Но еще неясно – будет ли последнее. Возможности множатся, я вижу все больше...

Снова пауза. И наконец:

– Не забываю о продвинутых. Но двигайтесь, двигайтесь. Смысл этого творения – в развитии. А я увижу. Да, и вот еще что.

Я почувствовал, как изменился настрой его мыслей, которые он вколачивал в меня напрямую, без помощи слов.

– Тебе предстоит серьезное дело. Его надо выполнить. Конечно, лучше не переходить известных тебе границ. Не падать слишком низко. Но тебе придется возвратиться в себя – прежнего, каким ты был не так давно. И пока будешь оставаться таким – не обращай к нам. Жестоко, но иначе нельзя. А уж если...

Так и не закончив, он ушел – я сразу почувствовал, что он оказался вне моего восприятия.

Пора было возвращаться.

Медленный переход в нормальное бытие. Одновременно оживает таймер мика, упрямого где-то глубоко в моей голове микробиокомпьютера, без которого в наше время не живет ни один человек.

У меня остается еще полчаса. Хватает на легкую гимнастику и на приведение жилья в относительный порядок. Даже на то, чтобы стереть пыль с бросающихся в глаза плоскостей.

Едва успеваю закончить эту работу, как Вратарь деликатно звякает, чтобы привлечь мое внимание к экрану внешней камеры. Той, что уютно пристроилась наверху, на крыше. Она исправно показывает, как на площадку мягко садится «Бриз» – маленький агрик третьего класса, рассчитанный на четырех седоков. Это означает, что гость прибыл.

Вернее, гости: их трое – недаром Верига употреблял множественное число, когда потревожил меня звонком. Против королевского недуга – пунктуальности – прибывшие обладают явным иммунитетом: пришли на десять минут раньше. Но при первом знакомстве излишняя придирчивость вряд ли пойдет всем нам на пользу.

– Строго проверь, – говорю я. – Ипусти, если все в порядке.

(Я поймал себя на том, что стал применять такие меры предосторожности, какие принимал в добрые старые времена. Где мои сколько-то там лет? И что это: интуиция – или признаки маразма?)

Пока перед дверью и потом в тамбуре происходила процедура проверки, я последним взглядом прошелся по комнате и (на всякий пожарный) занял позицию, на которой меня нельзя будет увидеть сразу, когда дверь укатится в стену. Предосторожность, по сути, можно было бы назвать излишней: если они пройдут проверку, то смогут действовать разве что врукопашную – а этого я не очень боюсь. Однако же интуиция подсказывала мне именно такой образ действий.

Заняв позицию, я не без любопытства оглядел все четыре монитора – те самые, что показывали прихожую. Вратарь (для гостей это сейчас лишь табло, рисующее слова команд) выдает первое указание:

«Будьте любезны (я – сторонник вежливости во всех случаях) поместить все имеющееся у вас оружие в шкафчик справа».

Как и ожидалось – секунды нерешительности. Троица переглядывается. Один – тот, что справа, – покачивает головой. Еще секунда. Средний – видимо, это и есть доктор Верига, – чуть пожав плечами, достает откуда-то из-за пазухи оружие и кладет на указанное место. Дистант класса «миди», предпоследняя модель – температура в точке поражения не более двух тысяч Цельсия, предел – сто двадцать метров, емкость батареи – триста импульсов, или шесть минут непрерывного действия. Щечки рукоятки потемнели от ладони владельца; значит, машинка служит не только в качестве театрального реквизита.

Такие же инструменты выкладывают с явной неохотой и остальные двое. Похоже, они опасаются серьезных неприятностей.

Табло Вратаря мигает. И возникает следующее воззвание:

«Вынужден напомнить: ВСЁ оружие».

Снова переглядки. Пожимание плечами. Кто-то даже вздыхает. В конце концов к лежащим на тумбочке дистантам прибавляются три пулевых безадресных пистолета (оказывается, где-то они еще в ходу!), три синерианских кинжала – голубой мерцающий металл, золотистые, слегка выгнутые рукоятки, – и всякая мелочь: звездочки, ручки, трубочки с иглами и т.д. В общем, взвод не взвод, но десантное отделение (прошлого века) можно было бы вооружить. Да, неуютно чувствуют себя провинциалы на Теллусе, надо полагать. Интересно, как вооружились бы они для визита на Армаг?

Больше претензий у Вратаря не возникает. Легкое гудение – и вся их амуниция исчезает в глубине шкафа, а дверь в мою приемную распахивается.

Похоже, никаких дурных неожиданностей опасаться не следует. Я оставил свою позицию и пошел навстречу гостям, не забыв изобразить едва ли не самую любезную из имеющихся в моем распоряжении улыбок.

Они вошли – и даже мне передалось на миг то чувство удивления, которому они невольно поддались.

Быть может, они ожидали, что стены моей скромной обители будут увешаны клинками, пистолетами, дубинками, наручниками, а в центре окажется защитный жилет со следами множества попаданий. А увидели совершенно другое, я бы даже сказал – противоположное. И это их в какой-то мере озадачило и даже (как уловил я) заставило усомниться: туда ли они попали, куда намеревались.

Я видел, что им очень хотелось повернуться и уйти – даже не извинившись за напрасное беспокойство. Но это длилось лишь краткий миг; видимо, эти трое были людьми, привыкшими к неожиданностям. И кончилось тем, что они вежливо поздоровались. После чего один из них – видимо, самый нервный – проговорил:

– Надеюсь, мы получим обратно наше снаряжение?

– Разумеется, – успокоил я. – Кстати, на Теллусе жизнь достаточно безопасна, так что таскать с собой такой арсенал вовсе не обязательно.

Нервный ответил:

– На это у нас своя точка зрения.

Я только пожал плечами, что должно было скорее всего означать: «Всяк по-своему с ума сходит». И предложил им на выбор кресла или диванчик, как раз на троих. Двое выбрали кресла, третий, тот, кто был, по-моему, Веригой, уселся на диванчик: таким образом они как бы образовали треугольник, в котором я находился в середине основания. Мне осталось лишь внутренне усмехнуться.

Последовали обычные две минуты молчания – встречаясь впервые, принято тратить столько времени, чтобы составить первое представление о собеседниках.

Я прежде всего постарался оценить их зрительно. Все трое были первого среднего возраста – где-то около шестидесяти, самый расцвет, нормально развитые физически, одеты одинаково – в земные повседневные и явно неудобные для них костюмы. Затем принялся за главное: решил покопаться в нутре каждого – так, чтобы они не ощутили неудобства. У Вериги определенно проблемы с почками, спутники его переносили серьезные ранения – у того, что справа, два следа, у второго – три, одна пуля даже не извлечена, давно закапсулировалась. Провинция! У нас никто не стал бы таскать в себе такое инородное тело. Но это-то меня не волновало. Я хотел убедиться в том, что они не выставили никаких внутренних блоков, не выстроили защиту: когда ее обнаруживаешь, волей-неволей приходится насторожиться. Так что на эту операцию я настроился очень серьезно.

Первый, беглый просмотр заставлял предположить, что с этим в их сознании все чисто. Защита, конечно, присутствовала – но самая обычная, какую в наше время каждый ставит у себя, совершая утренний туалет – просто для того, чтобы предотвратить нечаянное воздействие более сильного поля случайного прохожего. Я прошел эти экраны легко, нимало не потревожив их обладателей. Нет, вроде бы в сознании этих людей не было никаких закрытых для анализа уголков, ни одной запертой дверцы. Доминировавшим в их внутреннем мире было чувство опасности – причем угрожавшей не только лично им. Но об этом они, надо полагать, расскажут сами – иначе для чего было им предпринимать столь дальнее путешествие? Я не заметил никакого недоброжелательства по отношению ко мне, горизонты хитрости и обмана представлялись чистыми. Похоже, с ними можно было разговаривать, не опасаясь подвохов и скрытых ловушек.

Сознание, однако, не единственное и даже не самое главное в управлении человеческими поступками. Подсознание – вот что нужно раскрыть для себя, исследовать и оценить. Оно и есть самое трудное, самое закрытое не только для стороннего наблюдателя, но и для самого себя. И на анализ лабиринтов их подсознания ушла у меня большая часть этих двух минут.

Результат меня не то чтобы огорчил, но удивил – да, это, пожалуй, самое уместное слово. Я не встретил никаких осязаемых блоков, никакой защиты, мешавшей бы мне проникнуть в подсознание всех троих; я вошел туда с неожиданной легкостью – для того лишь, чтобы ничего там не обнаружить. Образно выражаясь, все залы, комнаты и переходы этого психического пространства были совершенно пусты. Так не бывает! – хотелось мне крикнуть; но именно так оно и было. Аномалия? Да, конечно. В чем ее причины и что она может значить? Решить это за считанные секунды было невозможно, такая работа требовала куда большего времени. Секунд оставалось ровно столько, чтобы решить: на этом закончить встречу и, соблюдая все нормы вежливости, выпроводить гостей – или же продолжить, надеясь, что по ходу дела загадка сама собой разрешится? Разумнее был первый выход. Я выбрал второй, потому что прожорливый червь любопытства вдруг ожил во мне. Поскольку кое-что интересное я там не то чтобы увидел, но ощутил.

Когда минуты истекли, я открыл конференцию словами:

– Итак, я вас внимательно слушаю.

Сидевшие по бокам чуть повернули головы к тому, кто играл в этой тройке центра и кого я определил как Веригу. Чему немедленно последовало подтверждение:

– Здравствуй, Разитель, – сказал он. – Я – доктор Верига. А это мои коллеги.

Он упустил – в чем именно коллеги. Я же не стал уточнять, но не преминул поправить:

– Я больше не называюсь Разителем. Оставил службу уже довольно давно. Понимаю, что в ваших краях это прошло незамеченным...

Он чуть приподнял левый уголок рта. Возможно, это следовало понимать как улыбку.

– Семь лет и четыре месяца тому назад, – сказал он таким тоном, с каким говорят о самых интимных материях, – вы выступали дуэтом в маленьком концерте на Лорике. Партнеру не повезло, и он остался там. У вас возникли подозрения, что это невезение было следствием утечки информации из Главной конторы вашей тогдашней Службы. Разубедить вас не смогли, и вы ушли в отставку. Как видите, и до провинции доходит необходимая информация.

– Увы, не вполне точная.

– В самом деле?

– Во-первых, мой партнер не остался на Лорике: тело я вывез. Хотя сделать это было трудно. Во-вторых, у меня не было никаких подозрений. Была уверенность. Были факты. И, в-третьих, я в отставку не подавал. И не собирался. Просто заявил начальству, что виновный в частичном неуспехе операции должен из Службы уйти как допустивший преступную небрежность. Однако его решили простить. Я не мог с этим согласиться, и уйти пришлось мне: честь не позволяла остаться.

– Я приму к сведению ваши поправки, – сказал Верига невозмутимо. – А что касается Разителя – надо же как-то к вам обращаться.

– Ну, ладно, – сказал я. – Я не обижаюсь. Так чему обязан?

Он проговорил таким тоном, каким приглашают на чашку кофе:

– Мы хотим нанять вас. Поручить вам дело – не очень сложное, но деликатное. За работу будет хорошо заплачено.

Это было очень кстати. Уж если мне суждено браться за дело, а ведь именно его имел в виду тот, кто сказал мне «Надо», то есть смысл и в том, чтобы на нем заработать. Но я постарался внешне не выразить своего удовлетворения. Нельзя показывать заказчику, что нуждаешься в нем не меньше, чем он в тебе.

– Не знаю, не знаю... Разочарования и здоровье вводят свои поправки, так что последнее время я преимущественно консультирую. Хотя, конечно, многое зависит от того, в чем будет заключаться задача.

– Вначале – поработать определенным образом с одним человеком.

– Вы должны знать, что я не киллер, – счел я нужным напомнить. Хотя это они наверняка знали и сами. Вообще они знали несколько больше, чем им полагалось бы. Откуда?

– Ну, для нейтрализации мы нашли бы исполнителя попроще.

«И подешевле», – подумал я.

– С этим человеком нужно сблизиться. Войти в доверие. И получить некоторую информацию. Получив, передать ее нам. Все это следует осуществить быстро. Скажем – недели за две. Этим ваша первая задача будет выполнена. Не исключено, что за нею последуют другие – более сложные.

– Например?

– Может быть, понадобится устроить нашу встречу с ним. Возможны и другие варианты. Несомненно – получение нужной информации и, если потребуется, изъятие некоторых предметов... Но задачи будут ставиться по мере их возникновения. Думаю, такие действия и сейчас вам по силам.

– Один человек из восьми миллиардов – это немного, – ободряюще произнес я. – Хорошо бы, конечно, узнать и другие подробности.

Обычное коммерческое дело, решил я, говоря это. Выудить информацию у конкурента. Я ожидал большего.

Но в ответ прозвучало:

– Пожалуй, тут было бы уместно предисловие...

Я перебил:

– Предисловия я обычно читаю в последнюю очередь.

Это заявление, кажется, сбило его с мысли – но ненадолго.

– Речь идет о семенах урагара, – сказал он и сделал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление эти слова произведут на меня. Кажется, результат его не устроил, и он дополнил: – Хвойного сезона.

– Продолжайте, – предложил я, не моргнув глазом. Что такое урагара, я и понятия не имел; но никогда не следует показывать уровень своего невежества.

– Так вот, они исчезли. Похищены. Украдены.

– Так, – сказал я, чтобы сохранить нужный ритм разговора.

– Их необходимо найти. Потому что мир, в котором они находятся, подвергается большой опасности.

– Что – они настолько ядовиты?

(Я позволил иронии прозвучать в голосе: в такие штуки я давно уже не верю.)

– Они – источник и инструмент глобальной катастрофы. Подробности мы вам изложим потом, когда договоримся о главном.

– Эти семена что: аннигилируют? Вызывают ядерную реакцию? – снова не удержался я от иронии.

Все трое поглядели на меня осуждающе. Как если бы я начал смеяться на похоронах.

– Я имел в виду политическую катастрофу, – слышалось в ответ.

Это прозвучало неожиданно убедительно: опыт подсказывал, что политическая катастрофа – даже и галактического размаха – может начаться по самому ерундовому поводу. Я кивнул и заговорил уже серьезно:

– В каком же мире украденные семена находятся?

– Это вам и предстоит выяснить в первую очередь. Затем мы постараемся отыскать их и вернуть. Я же сказал вам, что они похищены? Так что ваши действия будут совершенно законными. Но о деталях мы еще успеем. Надеюсь, у вас есть время для восстановления права собственности?

– Безусловно, – заверил его я.

– Конец нити, ведущей к месту, где укрыты похищенные семена, по нашим сведениям, находится в руках именно того человека, о котором я уже сказал. Но сами мы добраться до него не можем. К нему и близко не подпустят никого, прибывшего с Синеры. И он надежно защищен. Очень надежно.

– Я вас понял. – Это подтверждение я сопровождал выразительным кивком, одновременно пытаюсь залезть в самые глубины своей памяти. Нет, никакого упоминания об урагаре мой мик там не обнаружил. Ни намек даже на то, с чем эту урагару едят. Ладно. Разберемся как-нибудь. Но и они должны сказать что-то конкретное.

Решив так, я продолжил переговоры словами:

– Я склонен принять ваше предложение – как только вы детально объясните мне, что к чему. Что это за человек?

На что Верига ответил:

– Его имя – Альфред. Вернее, это фамилия – во всяком случае, под нею он известен в деловых кругах – и официальных, и закрытых...

Еще бы он не был известен! Ботаник, которого знает вся Федерация, или, во всяком случае, ее интеллигентная часть, член научных обществ и еще – главный озеленитель, чье имя – на ограде каждого деревца. Каждой армагской чинкой, какими усажены и проспекты, и переулки. Причастен к краже? Гм, почему бы и нет?

– ... Легче всего, конечно, подобраться к нему через какую-нибудь известную фирму. Однако для проникновения в такие корпорации нужно время, а у нас его нет. Так что способ сближения – это уже ваша компетенция.

– Не густо. Конечно, придумать что-нибудь можно. Был бы только смысл напрягать извилины.

– То есть?..

– Благотворительный фонд защиты прав собственников находится по другому адресу, и я не имею к нему никакого отношения. А вы еще ни словом не обмолвились о ваших условиях.

– Совершенно справедливо, Я как раз собирался обсудить эту сторону вопроса. Разумеется, мы покрываем все расходы. А что касается вашего гонорара – в какой сумме он должен, по вашему мнению, выражаться?

Давно известно: серьезность намерений заказчика точнее всего проверяется при установлении оплаты. Хотите, чтобы сделка не состоялась, – заломите сумму пострашнее, и заказчик уйдет, если предполагавшееся соглашение не было для него вопросом жизни и смерти. Но бывает, что они готовы не только платить, но и переплачивать; тогда или дело действительно серьезное, либо это блеф.

– Пятьсот тысяч галларов, – сказал я, хотя еще секунду назад собирался запросить на порядок меньше.

Это даже в наше время очень серьезные деньги – если это гонорар, разумеется, а не капитал.

Трое визитеров, похоже, слегка опешили. Должны же они, однако, понимать, что пришли не на дешевую распродажу. Высокая цена – гарантия качества. Вот так-то.

– Но... не кажется ли вам?..

– Нет. Не кажется. Впрочем, вы можете найти работника и без столь крупных затрат...

Но, похоже, это обстоятельство было ими предусмотрено.

– Оплата – по выполнении работы.

– Половина – сейчас. Вторая – по результату.

Впервые заговорил сидевший слева от Вериги:

– Эти условия не могут быть приняты.

Торгуются? Это говорит в их пользу. Ну что же – продолжим.

– Минутку. Тут говорилось о возможной пролонгации договора. Названная сумма – оплата всей работы, а не только получения информации. Если я не ошибся, вам ведь нужны эти семена? Я или беру дело целиком, или отказываюсь. Стлать постель для другого работа для горничных, а не для меня. Итак?

Им пришлось задуматься. Они переглянулись, словно бы беззвучно советуясь. Потом Верига решил уточнить:

– Вы гарантируете ваше участие до конечного результата?

– Не просто участие. Я беру на себя ответственность.

Несколько лет тому назад такого моего заявления было бы достаточно, чтобы снять любые вопросы. Но, похоже, за минувшее время моя репутация сильно убавила в весе. И вместо ожидавшихся удовлетворенных улыбок я увидел лишь поднятые в сомнении брови. А если бы я и не понял, что они означали, то последовавшая за ними реплика объясняла все предельно ясно:

– Нам известна ваша преданность делу, Разитель, но, по вашим же словам, вы все последнее время только консультировали; это, согласитесь, совсем не то, что оперативная работа, притом еще задание – из трудных. А нам не хотелось бы... Дело в том, что и вся работа тоже должна быть выполнена в определенный срок, достаточно краткий. Через два месяца операция утратит всякий смысл.

– Что – счетчик уже включен?

Они восприняли вопрос серьезно.

– Я уже сказал, – произнес Верига, проявляя некоторое нетерпение: – Мы все объясним вам завтра. Завтра! И о свойствах, и о спутниках и предшественниках – словом, все.

– Этот срок реален? Галактика велика, и поскольку вы не знаете, в каком ее конце искать ваши семечки, за два месяца можно и не управиться. Я ведь не музыкант из оркестра, я – солист.

– По нашим расчетам – можно. Мы станем оказывать вам любую помощь, какая только будет в наших возможностях.

– Это, конечно, ободряет. А как насчет неустойки? Какую неустойку придется мне платить в случае неудачи?

Они продолжали очень серьезно смотреть на меня. Только после небольшой паузы тот из них, кто до той поры не промолвил ни слова, проговорил:

– Неустойка – ваша жизнь.

– Только-то? – сказал я бодро.

– У вас есть более ценный залог? Впрочем, если наши условия вас смущают – ничего ведь еще не подписано, и вы можете...

Верига не договорил, но и сказанного было достаточно.

Решение надо было принять в доли секунды: малейшие колебания с моей стороны окончательно убедили бы их в моей оперативной непригодности. А стоило мне хоть на миг поверить в их правоту – и никогда не удалось бы доказать им, что они ошиблись. И я не получил бы всей операции целиком.

Такого унижения я скорее всего не пережил бы. А кроме того – мне действительно очень нужны были деньги. Много. Тем более что было сказано: эту работу нужно сделать.

– А может быть, это мои условия вас смущают? – спросил я как можно более насмешливо. – В таком случае полагаю, что нам самое время закончить переговоры. Что же, как говорится – расстанемся друзьями. И в знак дружбы хочу предупредить вас: вы еще не успели прибить, как на вас тут открыли охоту. Скажите, не знакома ли вам эта дама?

И, нажав клавишу, я загрузил на монитор изображение моей давешней гостьи.

Не шевелясь, в полном молчании гости несколько секунд смотрели на экран. Потом разом повернулись ко мне, и я удивился тому, насколько за эти минуты изменились их лица. Теперь они выражали чувство глубокого недоумения.

– Где она? – спросил Верига, и в его голосе прозвучала недвусмысленная растерянность.

– Полагаю, где-нибудь недалеко, – ответил я. – Потому что мне она явно не поверила, хотя я уверял ее, что не имею о вас никакого представления. Не берусь предсказывать, но на вашем месте я не медлил бы с устройством срочных дел на Теллусе.

Кажется, они пришли к такому же выводу одновременно со мной. Им и в самом деле некогда было искать других исполнителей. Я добавил еще:

– Как видите, другие оценивают мои возможности достаточно высоко даже и сегодня.

Видимо, это помогло им решиться.

– Дайте номер вашего счета. Побыстрее, если можно, – сказал тот, что пытался торговаться.

Так. Похоже, это действительно серьезные клиенты.

– Ваш ЛК? Благодарю. Вот. Пожалуйста.

Я протранслировал номер прямо в его мик. Он замер на несколько секунд; я знал, что это время понадобилось, чтобы его мик связался с банковским терминалом и произвел перечисление. В наше время крупными суммами оперируют не при помощи карточек, как встарь, их носят в голове, в памяти микробиокомпьютера, обезопасив несколькими слоями защиты.

– Готово, – сказал он. – Прошу проверить.

Пришла моя очередь таким же способом связаться с банком. Все было как будто правильно. Конечно, в таких случаях лишняя проверка не мешает. Пока я только передал в терминал дополнительный код для защиты поступившей суммы; теперь без моего ведома ее нельзя будет отозвать. Разве что по судебному решению. Или по распоряжению Службы.

– Благодарю вас, – проговорил я, закончив операцию. – Ну что же – отметим сделку?

Бутылка – остатки прежней роскоши – была уже в моей руке: я вытащил ее из стола так же быстро, как в случае угрозы выхватываю оружие. Следующим движением выставил сразу четыре стаканчика.

Они переглянулись, словно сомневаясь. Потом Верига сказал второму из своих спутников:

– Разлей, Кольф.

Названный вежливо отобрал у меня бутылку. Я подумал: они боятся, что я подсыплю им чего-нибудь? Это не в моих правилах.

– Скажите, что говорила вам эта женщина?

Я повернулся к Вериге:

– Ничего, кроме того, что я вам уже сообщил.

Кольф уже раздавал стаканчики.

– За удачу! – провозгласил я.

Все разом выпили. Затем Верига и сидевший справа встали. Верига сказал, прощаясь:

– Я по-прежнему надеюсь, что смогу дать вам нужные подробности – при завтрашней встрече. Потому что сейчас мы вынуждены срочно позаботиться о своей безопасности. Хотя, возможно, мы свяжемся с вами еще раньше.

Ну что же. Они меня подрядили, так что были вправе заказывать музыку. Хотя недостаток информации означал, что сегодня я еще ничего не смогу сделать.

– Буду ждать.

– А когда сможете начать? – В голосе Вериги уже звучало нетерпение нанимателя.

– Считайте, что я уже действую. Обождите еще минутку!

Эта минута была мне нужна, чтобы верхняя камера внимательно просканировала крышу. Все было спокойно: кроме их «Бриза», ничто не попало в поле зрения.

– Теперь можете выйти. Кстати: советую сразу же снизиться и несколько минут лететь над улицей на минимальной высоте – так вас будет труднее засечь.

– Благодарю вас. Мы так и сделаем.

И дверь, выпустив их, встала на место.

Я проследил, как они в прихожей получили свое оружие – в целости и сохранности. А когда они взлетели – по старой привычке воспользовался одной из внешних камер, чтобы проследить за ними, пока они еще видны в небе.

Работая трансфокатором, я провожал взглядом плывшую низко над улицей машину, направлявшуюся к центру города. Все было в порядке. Я уже отвернулся от экрана, как связник снова ожил. Я взял трубку. Это был Верига.

– Слушайте! – Голос его показался мне возбужденным. – Мы только что...

Но тут он отключился. Я невольно перевел взгляд на экран. И почти сразу понял: намеченная на завтра встреча вряд ли состоится.

Почему-то агрик, словно испуганный чем-то, на моих глазах круто набрал высоту, рискуя столкнуться с другими агралетами в более высоких эшелонах, и за считанные секунды взмыл высоко над крышами.

Видимо, с какой-то из этих крыш и ударили по нему; судя по результату – из магнум-дистанта, в режиме микроаннигиляции.

Собственно, стрелявших я не заметил. Но, следя за «Бризом», ясно видел, как его сразу охватило пламя.

Оставляя за собой пышный дымный хвост, машина обрушилась: похоже, был поражен ее антиграв. Мгновение – и над ней раскинулся купол, но уже через секунду вспыхнул и превратился в огненный конус. Еще через несколько секунд аппарат скрылся из виду.

Я наскоро прикинул: похоже было, что Верига пытался вырваться к месту, где падение агралета привело бы к наименьшим жертвам. Таким местом была река. Но нерегулируемая скорость падения не оставляла надежды на спасение находившихся в кабине людей. Моих заказчиков.

Я признал, что, хотя ощущение опасности, преследовавшее их, не было лишь плодом воображения, мое предупреждение об открытой охоте не оказало на них должного воздействия. Их поймали в примитивную ловушку.

Это означало, однако, что и мне следует быть готовым к неприятностям. Те, кто подстерег моих гостей, точно знали, где они находились. Им будет нетрудно добраться до меня. Хорошо, что Лючаны нет дома. Но стоит побережиться и мне самому. Тем более потому, что, хотя заказчики и не смогут уже оценить результаты моей работы, их гибель самой этой работы не отменяет: деньги уплачены и мною получены, возвратить их, отказавшись от работы, некому – значит, нужно отрабатывать гонорар.

А хотя стоят ли любые деньги того, чтобы подставлять свою шкуру под огонь? Если двое ведут между собой перестрелку, самое глупое, что может сделать третий, – это оказаться между ними. В юности меня еще тянуло показывать в таких случаях свою лихость. Но это было давно. И чем дольше я жил – тем более уютной мне казалась эта самая шкура. Она совершенно не нуждалась в дырках для принудительной вентиляции, тем более если эти дырки не пробивает пуля сериала, а прожигает луч дистанта.

Кончен, кончен день забав...

А деньги? Ну и что деньги? Если за ними явится кто-то от имени погибших – то либо он подтвердит условия сделки и гарантирует своевременную выплату второй половины, либо я верну ему все полученное. И еще: если те, кто поджег Веригу, и в самом деле нагрянут сюда по мою голову, я скорее всего использую эти самые галлары, чтобы откупиться от бандитов – или кем они там окажутся. Такое действие будет совершенно справедливым. Мне просто не в чем будет упрекнуть себя.

А поисками этих семечек пусть займется кто-нибудь другой. Помоложе и поглупее. Семена. Цирк какой-то. Или детский вариабль.

Значит – решено. Отказ – и покой.

Я невольно усмехнулся собственной попытке утихомирить встревоженное воображение. Потому что отлично понимал: все мои рассуждения стоили бы чего-нибудь, если бы мне не было прямо сказано где-то там, куда я попадаю в медитациях: эту работу надо сделать.

Так что работать я все равно буду.

И стоило мне прийти к такому выводу, как ожил мой мик. Меня вызывали по ЛК-связи. Я дал мысленную команду на прием и закрыл глаза, чтобы на обоих мониторах, что еще в раннем детстве были нанесены на внутреннюю поверхность моих век, прочитать возникавший на мгновения – и снова исчезающий текст.

Первыми словами были:

НЕ ЗАПИСЫВАТЬ!

Буквы были огненно-красными, угрожающими уже своим обликом. Язык, кстати, использовался не наш, теллурианский, планетарный, и даже не феделин – язык Федерации, а некий хорошо известный мне код. Но это, пожалуй, лишние подробности. Важнее – то, что затем было на этом языке изложено – после того, как назвали мое имя, не Разитель (то была скорее кличка), а служебное, бывшее в употреблении так давно, что я уже начал забывать о его существовании. Оно было своего рода паролем.

Значащая же часть послания оказалась очень краткой. Впрочем, канал этот вообще существовал не для лекций или философских размышлений. Я прочел слово за словом:

«Строго секретно. Текст самоуничтожается. Приглашаем возвратиться на службу. Предлагается одноразовая элитарная работа. Эксклюзивная оплата. Будете приятно удивлены. Ответьте немедленно. Подписал: Иванос».

Коротко и ясно, правда?

Подпись была мне знакома с давних пор. Главный псарь Теллуса – так любил именовать себя вице-шеф лавочки, которая раньше была и моей. Службы охраны мира Теллус.

Интересно все-таки: только что я не был нужен ни единой душе в Галактике (если не считать Лючаны, надеюсь), и вдруг на меня возник спрос больший, чем на презервативы в пятницу вечером. Недаром говорят, что Творец раскрашивал тигра, одновременно размышляя о жизни: полоса светлая – полоса темная. Сейчас явно настало время светлой.

Вот бы узнать: что же Контора решила мне предложить? Но это, увы, невозможно: по правилам Службы ты сперва даешь согласие (а это все равно, что поклясться на всех священных книгах сразу), и лишь потом тебе объясняют, какую именно форму самоубийства придумали для тебя на этот раз. Я дал бы согласие даже без секундной проволоочки; но меня только что уже наняли и даже заплатили. Хотя я и мужчина, но я и честная женщина – в том смысле, что не изменяю своим любовникам. Так что – очень жаль, но придется отправить ответ с отказом.

Я мысленно продиктовал ответ, а мой мик сразу же отправил его по известному ему адресу:

«В ближайшие месяцы предельно занят. Весьма сожалею».

Вряд ли можно было сказать убедительнее, не правда ли?

Жизнь вошла в очень крутой вираж. Для серьезного анализа всего происшедшего больше не оставалось времени: я готов был спорить на любую сумму, что не пройдет и получаса, как те, кто только что расправился с Веригой, захотят нанести визит и мне, чтобы стереть всякие следы информации, какие синерианин и его люди могли тут оставить.

Не оставили, правда; но охотники этого не знают. И не поверят мне, сколько бы я ни старался убедить их в моей полной откровенности.

Впрочем, у меня и в мыслях не было разговаривать с ними таким образом. Но до того, как они явятся, нужно было сделать еще одно-другое дело.

Прежде всего – разыскать Лючану и предупредить ее об изменившейся обстановке.

Сделать это было не так уж трудно.

Чтобы вызвать ее, я не стал пользоваться услугами обычного блока связи: его услуги были тут ни к чему. Повернувшись к нему спиной, я подошел к старинному секретеру у противоположной стены. Откинул крышку. За нею, как и полагалось, стояло несколько старинных книг. Своего рода маленькая коллекция. Я вынул том из середины. Раскрыл на семнадцатой странице. И положил палец на замысловатую буквицу, с которой начиналась очередная глава.

С полсекунды не происходило ничего. А затем полка с книгами погрузилась в нижнее отделение, открыв доступ к пультам вневременной связи.

Вообще-то ВВ-связь является привилегией государства, как и перемещения по вневременке. Тем не менее у меня она была. Скажем так: случайно сохранилась с давних времен. Хотя я и не являюсь представителем официальной власти. Или, как она чаще всего называется для краткости – власти «О». А также не отношусь и к другой власти, куда более реальной: власти «Т». Теневой. Что не мешает мне пользоваться ВВ-связью, когда в этом возникает серьезная необходимость. Как вот сейчас, когда я из своего мика задал ВВ-пульту ЛК Лючаны и заказал поиск. Это куда надежнее, чем простая ЛК-связь.

Хотя связь ВВ, если верить ее названию, не занимает времени, на самом деле поиск продолжается иногда и несколько минут: не так-то просто обшарить блоки учета всех миров Федерации, а потом, выделив нужный мир, разыскать в нем владельца заданного тринадцатизначного числа. Так что я стал уже нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, когда Лючана наконец откликнулась:

– Это ты, Амир? Что стряслось? Мы же договорились...

Время мое таяло на глазах, и я невежливо прервал ее:

– Лучинка! Анни.

Она отозвалась уже совсем другим голосом: деловым.

– Говори.

– Тут заварилась каша средней крутизны, но масла много. И я в нее вляпался.

– Случайно?

– Закономерно.

– Ага!..

Это было сказано с ноткой удовлетворения в голосе.

– Именно.

– Мне приехать?

– Ты где? Ага, вижу: на Кантре. Присутствие желательно. Но не здесь. Просто следи за мной, мой мик тебе подскажет. И еще...

Остальное, что следовало, я продиктовал ей за минуту. Канал ВВ не следует занимать слишком долго: можно попасть под выборочное прослушивание с любой стороны.

– Хорошо. Постараюсь сделать.

Она всегда отвечала как бы неуверенно, однако этому не следовало придавать никакого значения.

– Как твои дела?

– Блестяще. – Это был ее обычный ответ.

– Береги себя.

– И ты. Отбой.

Прекрасно. Одно дело сделано. Теперь...

Я хотел уже вернуть ВВ в первобытное состояние. Но кто-то незримый – скорее всего то была интуиция – словно подтолкнул меня под руку. И вместо того чтобы выключить аппарат, я задал ему поиск еще одного ЛК. Не надеясь, впрочем, на успех.

То был Личный Код Вериги. Тот, что он проставил рядом со своей подписью под нашим с ним контрактом. Код, владелец которого уже не находился среди живых, что, конечно, было немедленно отмечено Большим Федеральным Терминалом: мик каждого гражданина Федерации непрерывно – с интервалом в четверть теллурианского часа – посылает в пространство, словно крохотный маячок, лишь одно: номер Личного Кода. Шлет беспрестанно – пока человек жив. Маячок умолкает вместе с сердцем; после этого на любой вызов отзовется лишь приятный, хотя и печальный голосок, произносящий: «Нет в живых. Выражаем наше сочувствие».

Вот эти слова я и должен был услышать в ответ на вызов.

Получилось же вовсе не так.

Другой голос, а не тот, который я ожидал, ответил:

– Сейчас находится вне связи.

Это могло означать одно из двух.

Первое: Верига не погиб и пребывает сейчас где-то в Просторе – на борту, совершающем прыжок.

Маловероятно: он не мог успеть. Его «Бриз» был сбит полчаса тому назад, всего лишь.

И второе: он обладал умением на время отключать транслятор своего ЛК. Такой способностью обладают очень немногие, специально тренированные люди. Как правило, такую практику изучают самые выдающиеся оперативники Служб, и даже не во всех мирах, но лишь в наиболее развитых. Таких людей в Галактике куда меньше, чем, скажем, умеющих по желанию останавливать – и снова запускать свое сердце. И все они – солисты, профессионалы-экстра.

Но если Верига – из таких, то трудно предположить, что я не встречался с ним раньше: мы с ним принадлежали, в общем, к одному и тому же поколению. Что же я – сотрудничал с ним? Или работал против него? В Службах бывает и такое.

Ну-ка, мик, запустим щупальца в архив!..

Я сосредоточился. И вспомнил, где раньше попадалось мне это имя.

Я тогда был в Службе координатором Отдела закрытого розыска. Иными словами – осуществлял связь с одноименными отделами Служб других миров – отделов, занимавшихся поисками лиц, по причине своей секретности не объявленных в открытый розыск. И тогда-то это имя и возникло.

Жаль только – я не мог вспомнить: был ли он работником Отдела – или одним из тех, кого мы искали. Просто запомнилась не очень стандартная фамилия.

Странно, однако: с Синерой это воспоминание никак не связывалось. Не резонировало.

Ладно. Сейчас некогда разбираться. А вот работать все равно нужно.

Какие действия придется предпринять в ближайшем будущем?

Найти Альфреда. Это нетрудно.

Попасть в его окружение. Войти в доверие. И – если все обстоит так, как уверял меня Верига, – выяснить, во-первых, какому из множества миров Федерации угрожает пока неясная, но (если верить рассказанному) серьезная опасность. Во-вторых, в чем же эта пресловутая опасность заключается. И в-третьих, найти, куда он спрятал семена. Конечно, при условии, что он их и прятал.

Это уже сложнее, но, я полагаю, тоже выполнимо.

Как попасть к нему? Как говорится, дело техники. Альфред наверняка держит немалый штат телохранителей. А у меня за спиной – хороший опыт работы по этой специальности.

Снова – в телохранители? Придется потряхнуть стариной. Навыки восстановятся быстро. А спецспособностей я и не терял.

Надо сказать, что хотя название нашей профессии уходит в достаточно глубокую давность, содержание ее за последние десятилетия значительно изменилось. Телохранитель нашего времени – вовсе не мускулистый парень, умеющий только, завидев опасность, стрелять из любого положения и оружия да наносить удары, заставляющие киллера оставить всякую надежду. В наше цивилизованное время увидеть опасность воочию – значит безнадежно опоздать. Потому хотя бы, что покушающемуся, перед тем как нажать на спуск, не нужно больше ловить цель в перекрестие прицела: достаточно, находясь на расстоянии не более километра, выстрелить в нужном направлении, не отклоняясь от него более чем на девяносто градусов. Сериал, даже при одиночном нажатии, выпустит не одну, как встарь, пулю, но, как мы говорим, «поезд», хотя на Востоке предпочитают другое название: «караван». И во главе «поезда» помчится пуля-«паровозик», хитрое создание из тяжелого пластика, начиненное электроникой на молекулярном уровне; электроника несет в своей памяти все о цели: ее облик в разных ракурсах, температуру, запах, вес, запись голоса, даже рисунок радужки глаза – причем темные очки для нее не препятствие, но первым она улавливает не запах и не цвет глаз, но те поля, которые каждый из нас излучает, те невидимые простым глазом тела, что населяют нашу грешную плоть. Человек может облить себя духами или бензином, закрыть глаза и заклеить пластырем веки, а также и рот – но мало кто может управлять своей аурой. Да тех, кто способен на это, и не отстреливают: они не занимаются ни коммерцией, ни политикой. Пуля-«паровозик» имеет ничтожную пробивную способность, даже обычный бронежилет для нее – неодолимое препятствие; но пробивать и убивать – вовсе не ее задача, так же как задача локомотива – не перевозка грузов или пассажиров, но лишь буксировка вагонов. Дело «паровозика» – найти цель. И, обладая изрядным запасом хода и каким-то подобием рулей, она будет лететь, вилять, закладывая крутые виражи, снижаться и взмывать ввысь – на скорости пятьсот метров в секунду; в какое-то из мгновений она зафиксирует цель – и уже не отцепится от нее. А за ней, сохраняя полуметровый интервал между собою, последуют колонной по одному все остальные пули – поочередно: кумулятивные и разрывные. Их электроника примитивна, у нее одна задача: следовать за «паровозиком», как на жесткой сцепке, не отклоняясь, не отставая и не опережая. И когда «паровозик» настигнет цель – все остальные одна за другой (в поезде их может быть от пяти и больше; самый длинный, с каким мне приходилось встречаться, насчитывал семнадцать пуль) ударят в одно и то же место и пробьют даже самую надежную защиту, и поразят сердце – потому что именно сердцебиение жертвы будет той информацией, которая поможет «паровозику» в последний раз откорректировать свой маршрут.

Помнится, когда такое оружие вошло в обиход, оно получило название «гуманного» и вызвало в обществе даже какую-то эйфорию. И в самом деле: оно, по сути, сделало невозможными случайные жертвы: сколько бы народу ни окружало человека, обреченного на уничтожение, пули обойдут всех и найдут нужного. Но восторги вскоре угасли: новое оружие сделало профессию снайпера, по существу, излишней. Теперь любой ребенок мог нажать на спуск в уверенности, что не промахнется. Как и всегда, совершенствование техники привело к отмиранию искусства – на этот раз искусства убивать. Зато круто взлетели в цене разведчики. Ничего удивительного: чтобы выстреленный поезд прибыл на станцию назначения, следовало загрузить в «паровозик» все нужные характеристики, а чтобы загрузить – требовалось прежде их достать. Вскоре рынок прямо-таки завалили приборами по снятию характеристик; если вначале нужно было находиться где-то в метре от объекта, чтобы записать нужный результат, то уже через полгода дальное действие устройств измерялось десятками, а через год – сотнями метров. Укрыться от них стало практически невозможно.

Это привело к тому, что на какое-то время убийства стали своего рода спортом; если раньше убивали по деловым или идейным соображениям, то теперь нередко из-за пустяковой обиды или вообще без сколько-нибудь убедительной причины. Общество взвыло. В парламентах дебатировались вопросы об объявлении сериалов (таким было официальное название

нового стрелкового оружия) преступным оружием, о полном его запрете. Военные, естественно, были против, и, как всегда, власти ограничились полумерами: запретили торговлю сериалами, но в армиях оружие сохранилось. Всем было ясно, что оттуда оно будет утекать – медленнее или быстрее; так и получилось. Однако еще большей опасностью стали подпольные предприятия, изготавливавшие те же сериалы – разве что без номеров. Они укрывались под вывесками слесарных мастерских и всего прочего, чье название могло оправдать наличие пары-тройки станков; киберначинку для «паровозиков» поставляли, кроме заведений, ремонтировавших электронику, самые обычные магазины – поскольку электроника эта была разработана вообще-то вовсе не для оружия, а для видеоустройств, которые изъять из обихода было никак невозможно. Вскоре у сериал-оружия нашлись и защитники: оказалось, что оно – по их словам, во всяком случае, – постепенно приводило к отмиранию локальных войн как способу разрешения противоречий. Такие мнения возникли тогда, когда на Симоне – далеком мирке на окраине Федерации первый же бой привел к практически мгновенному уничтожению его участников с обеих сторон: после первого залпа стрелять стало просто некому. Военные после этого попытались решить вопрос, упрятав поголовно всю живую силу под броню; какое-то время казалось, что щит выиграл у меча – но лишь ненадолго. Финт оборонцев привел лишь к некоторому утяжелению пуля: новые их модели могли не просто находить цель (причем в военных действиях вовсе не требовалось, чтобы пуля поразила конкретного человека; она должна была поразить любого противника, для чего свои воины были, кроме прочего, наделены крохотным генератором волны, означавшей «свой»), но, встретившись с неодолимым препятствием, примагнититься к броне, из-под которой рано или поздно придется ведь выходить – и тогда ближайший «поезд» вспорхнет – и ужалит.

Наверное, после всего сказанного уже ясно, почему задачи телохранителей весьма заметно изменились по сравнению с идиллическими былыми временами. Киллера теперь нельзя было заметить; его требовалось предугадать, предвычислить еще задолго до того, как он займет исходную позицию. Иными словами – почувствовать, что нападение состоится или хотя бы – что вероятность его резко возросла по сравнению с нормальной. Здесь уже не могли выручить ни наблюдательность, ни острое зрение, ни логика; скорее интуиция. И телохранители давно уже набирались из людей с хорошо развитым интуитивным чувством и мышлением. Из людей, которые умеют ощутить опасность и ее источник еще до того, как ее можно будет увидеть.

Такой и была наша первая задача. А вторая заключалась в том, чтобы, заподозрив неладное, резко изменить поле охраняемого, подавить и загнать внутрь тела его ауру и одновременно заэкранировать и заземлить его. В восьми случаях из десяти такие действия сбивали «паровозик» с толку, заставляли прервать полет и приземлить весь «поезд» – или, официально, всю серию – где-нибудь поблизости, в ожидании мига, когда обстановка прояснится, поле жертвы вновь обрисовуется – и можно будет взлететь на резерве топлива и ударить. И вот третьей задачей телохранителя было зафиксировать место засады, приземления затаившихся пуля и уничтожить их немедленно. Хотя бы просто раздавить каблуком.

Так что сейчас от телохранителя требовались не мускулатура и владение искусством единоборств с оружием и без него; это признавалось достоинством необходимым, но не решающим. Зато лучшие из профессионалов умели прочесть замысел противника еще в пору его разработки. Для этого, правда, нужно было и ощущать – откуда мог исходить удар. Многие таким умением не обладали, зато хорошо определяли направление, с какого удар будет нанесен, когда покушение войдет в фазу реализации. Мне это удавалось хуже, зато я лучше справлялся с наведением ложных полей; еще раньше, когда такого рода деятельность была частью моей службы, не раз и не два мне удавалось даже создать поле двойника моего, охраняемого где-то рядом – на стволе дерева, допустим, или просто на стене – и заставить «паровозик» воткнуться именно туда вместе со всей его свитой. Это, кстати, входило в программу

испытаний при поступлении в любую охрану; и я всегда выполнял все наилучшим образом. В результате моя репутация среди коллег неизменно бывала достаточно высокой. Поэтому меня вскоре и пригласили в Службу.

Конечно, такая работа создает немалую нагрузку – не столько физическую, сколько нервную; по этой-то причине телохранители дежурят сутки – и потом вдвое дольше приходят в себя.

Ну что же: не зря говорится, что новое – это всего лишь хорошо забытое старое. Вспоминать всегда легче...

Едва уловимый голос интуиции заставил меня отвлечься от рассуждений и обратиться к внутреннему таймеру. Время, отведенное мною на сборы, истекало. События были уже где-то совсем близко от моего порога. Пора уходить, как ни жалко было оставлять насиженное местечко. Впрочем, я надеялся, что когда-нибудь еще вернусь сюда. Я снял со стены старый-престарый гобелен – древо Сефирот; свернул его в рулон и спрятал в шкаф. Из другого, в прихожей, вытащил старый, избитый пулями бронежилет и повесил на то же место на стене. Вроде бы как объект для медитации. Может быть, еще успею обратиться мыслями и чаяниями к тому, кто судит и разрешает?

Но благая мысль внезапно исчезла, словно ее унесло налетевшим шквалом.

Ее место заняло неожиданно обострившееся интуитивное ощущение близкой и серьезной опасности. Пренебрегать интуицией – верный способ самоубийства.

Первая осознанная мысль была: я все понял верно, и вот они пришли.

А я еще не готов. Еще не запустил все системы, которые будут блюсти дом во время моего отсутствия. Оно, возможно, будет долгим. Еще не обезопасил эти системы от возможного воздействия со стороны. До сих пор я доверял управление ими моему мику; теперь надо переключить их на домашний терминал. Да и еще много чего нужно сделать. И наоборот: перекачать в мик из терминала кое-какую информацию, которая в последнее время мне не требовалась, но теперь могла и понадобиться. Для этого нужно несколько минут. Четыре, от силы – пять. Весь вопрос в том – есть ли они у меня.

Подходить к окну – подсказало ощущение – было уже опасно. Меня могли увидеть с любой из ближних крыш. И нейтрализовать. Так это называется у профессионалов.

Будем наблюдать иначе.

Я принялся наблюдать: не приближаясь к внешней стене, сконцентрировался на небольшом ее участке. Закрыв глаза.

Чтобы видеть сквозь стены, лучше закрывать глаза, дабы не отвлекаться на постороннее. Пусть работает лишь третий глаз – истинное зрение. Конечно, если у вас остается время, чтобы разбудить его: от двух до пяти минут. Мне хватило двух.

Я увидел дом по ту сторону улицы. Просканировал окна. Нет... Нет... Нет... Есть!

Окно, на котором я остановился, было раскрыто. Комната за ним казалась темной, и простым глазом ничего в ней не замечалось. Но мое зрение без труда обнаружило человека в глубине ее. То окно находилось на этаж выше моего, и человек за ним для удобства наблюдения и действия устроился не совсем обычным образом: водрузил стул на стол и уселся, держа оружие на изготовку. Я без труда определил: в руках его был армейский сериал-макси. Серьезное оружие. Хотя заряды вряд ли были именными; а впрочем, все могло быть – в зависимости от статуса охотившихся за мной деятелей.

Но парень в окне – это не атака. Всего лишь подстраховка. А нападения надо ждать здесь, в моем жилище.

Если бы я числился еще в активе, у меня хранилось бы достаточно средств защиты и нападения, чтобы пару суток противостоять не самой маленькой войсковой группе. Но, уходя, я честно сдал все, что за мною числилось, и остался с голыми – или почти с голыми руками. Правда, был Вратарь. И еще кое-что.

Как и у всякого профессионала, с годами у меня накопилось некоторое количество всякой всячины такого рода. Ни в каких ведомостях этот инвентарь не значился и хранился тут, в жилище, в бронированном шкафчике с трехкодовым замком. Нечто вроде коллекции сувениров. Чтобы на старости лет было что вспомнить. Ну вот – старость еще не наступила, а вспомнить пришлось.

Первый код: восемь символов. Я набрал их вслепую, не переставая следить за улицей и за крышей; главное зрение, в отличие от обычного, оптического, дает тебе полный обзор, позволяя видеть и то, что у тебя за спиной, и под ногами, и над головой. Если бы не быстрая утомляемость, я всю жизнь пользовался бы только им.

Внизу – этажом ниже – только что все было в порядке. Единственный находившийся там человек – мужчина – был занят стряпней на кухне. Но у его входной двери на лестнице уже стояли трое. Разом, как по команде, они вытащили из-под курток дистанты, и один из гостей принялся выжигать замок. Этого занятия ему хватит на две с лишним минуты. Хорошо. Но и они еще не группа захвата. Подстраховка и обеспечение: у квартир в соседних этажах нередко имеются внутренние лестницы. Эти люди спешили и, видимо, не успели получить сведений о здешней планировке.

Этажом выше: такая же картина.

Фирма, как говорится, не жалеет затрат.

Крыша? На ней сейчас угнездился единственный агралет. Военного типа. «Шквал-два». На нем можно перевезти целый взвод, даже с тяжелым оружием. Вероятно, вся команда на нем и прибыла: куда менее бросается в глаза, чем когда передвигаешься по поверхности.

Ну а что у моей двери?

Они явно понимали, что здесь в отличие от верхней и нижней квартир можно встретить сопротивление. И действовали иначе.

На моем этаже их было четверо...

(Я запустил в терминал заключительный код. Почти одновременно машина просигналила, что работа закончена, управление домом перенято. Можно отключаться и действовать по обстановке. Сейчас, сейчас. Одну секундочку...)

На моем этаже было четверо, тоже с дистантами. Но замок они оставили в покое: сообразили, что он наверняка подстрахован от вторжения, и самое малое, что он может, – подать звуковой сигнал. А они мечтают нейтрализовать меня без шума. Значит, не принадлежат к казенной службе: наших шум не смущает.

Они сейчас выжигали отверстие в филенке. И два портативных баллона с газом были у них наготове. Интересно, что там: усыпляющее – или смертельное? Нужен я им тепленьким – или груз может быть холодным?

Меня скорее устроил бы второй вариант: были свои причины. Да я и не сомневался, что применен будет именно он; и не только из-за окраски баллонов.

Это был газ мгновенного действия. Но я уже успел влезть в защитный костюм. Очень хорошо. А вот противогаза нет. Это хуже. Но не смертельно.

Я обратился к Вратарю; иными словами – набрал команды:

– Программа входа – обычная. Заблокировать выход. В помещения не впускать. Защиту к бою.

Сработал третий код. Шкафчик открылся. В нем в отличие от комнат был настоящий порядок. Все стояло и лежало на своих местах. Я не без сожаления выбрал только самое необходимое и легкое. Кто знает – уцелеет ли остальное?

Увидел, как блестящий наконечник отводного шланга просунулся сквозь выжженную дырку. Те, на лестнице, натянули на головы прозрачные маски с лепешками суперфильтров на щеках. Парень, что держал баллон, открутил вентиль.

Я перестал дышать.

Обычной дыхательной паузой у меня была шестиминутная. Но в критических условиях она могла продлиться до семи с половиной на полном выдохе.

Примененный гостями газ не имел ни цвета, ни запаха. Законами Федерации он был давно и категорически запрещен. Считалось, что его производство закончилось около ста лет тому назад. Но, значит, у кого-то хранился запас. Не у теллурианских спецслужб: я бы знал. А вот люди «Т» вполне могли располагать им: законы Федерации им не указ. И сейчас какая-то часть этого запаса распространялась по моему жилью. Третьему глазу ширившееся облачко казалось не бесцветным, но светло-салатным. Цвет был приятен. Облачко расплывалось и медленно поднималось вверх. До колен. До пояса. По грудь. И вот уже...

Где-то в моей голове отщелкивались секунды.

Собственно, я мог уйти в любой миг. Все для этого было готово.

Я проверил оба дистанта, которые сжимал в руках. Порядок. Только нажать.

А сам я – готов ли?

Сейчас мне снова предстоит убивать.

Откровенно говоря, я успел отвыкнуть от этого. Продвижение по лестнице духовного роста отвергает такой род деятельности. Даже если дело идет о спасении своей жизни в этом воплощении. Продвинутый знает: оно не последнее.

Но я принял на себя обязательства. Их надо выполнить.

Способ для этого один: отказаться от себя – сегодняшнего. Вернуться к себе – такому, каким был не так уж давно. К себе времен службы, операций, схваток. Из глубины памяти вытащить то, что было уложено туда на вечное хранение. Не вообразить себя тем прошлым, но ощутить. Действительно стать им вновь. С той психологией. Теми навыками. Той шкалой ценностей. И той необходимой жестокостью.

У меня мало времени. Но пятью минутами я располагал.

Хватит.

Каким я становлюсь...

Каким я стал!

По всем правилам, газ уже сработал и я должен быть мертвее надгробного камня. Захотят ли они в этом убедиться лично?

Если решатся – Вратарь встретит их как полагается.

Если нет – тем проще смогу я уйти.

Но лучше – пусть войдут. Тогда некому будет меня преследовать.

Главное зрение устало, и видел я третьим глазом все хуже. Этажи и противоположная сторона улицы меня больше не интересовали. Только те четверо, что скучились у моей двери.

Они должны, просто обязаны проверить результаты своей атаки. Констатировать мою смерть. Наверное – обыскать квартиру и забрать все, что может показаться им интересным.

Надолго ли хватит у них терпения – ждать?

Газ этот – из группы наступательных. По теории, после его применения должна идти вперед армия. Живая сила. Своя.

Следовательно – он должен быстро, очень быстро терять свои поражающие качества.

Счет – на минуты. Даже на секунды.

Три минуты пятьдесят...

На лестнице один, судя по закрытым глазам, говорит по мик-связи. Докладывает? Нет, рано еще. Скорее всего – спрашивает у того, что в доме напротив, – не открывал ли я своего окна, стараясь выжить, пытаясь дышать.

Нет. Не открывал.

Уже начало постукивать в висках.

Что они там? Ага: зашевелились... Вскрывают дверь.

Четыре и сорок секунд.

Салатное облачко светлеет, блекнет... Похоже, газ вырождается. Теряет убойную силу.

Они входят: медленно, осторожно. Все еще боятся. Интересно, что им обо мне наговорили? Или это их обычная манера? Не лучшая, надо сказать.

Вратарь начинает строго по программе. Предлагает (вежливо!) сдать имеющееся оружие.

В ответ один из вошедших выпускает очередь. Наугад. Так, для поднятия настроения. Их сериалы – с глушителями, и даже в соседней квартире наверняка ничего не слышно.

Но Вратарь действует и вообще беззвучно.

В моей прихожей – пять бесшумных пневматических иглометов. Маленькие, раскаленные высокочастотным полем, они пронзают трехмиллиметровую сталь, а попав в живую плоть, начинают там куролесить. Жестоко. Но надежно.

Вратарь ровно две секунды ждет команды «Отставить». И, не получив ее, включает все пять. У каждого в магазине по сто двадцать иголок. Хватит. Впрочем, Вратарь прекратит огонь, как только шевеление в прихожей прекратится. Едва оно возобновится – продолжит.

Теперь можно уйти спокойно.

Шесть минут.

Я начинаю медленно, бесшумно втягивать воздух. Сейчас умру? Тело умрет?

Жив.

В прихожей – свист. Легкий и какой-то звонкий. Это Вратарь.

Одна камера все-таки разбита той единственной очередью. Но на остальных мониторах ясно вижу: четверо в прихожей падают беззвучно, плавно, словно находятся в сосуде с густым маслом.

Мои иглометы не новы, но работают отменно. Теперь – только легкий шорох.

Прощай, Макар, ноги озябли. Так любил говорить мой дедушка.

Надо было быстро уходить. Но я невольно задержался на секунду, глядя на монитор, на лежавшее в трех шагах от нижней камеры тело; от комбинезона, обуглившегося вокруг дыры в спине, шел едкий дым, и именно он, а не сам труп, в последний раз вызвал вдруг у меня ощущение жалости.

И тут же на смену ему пришло холодное чувство боя.

Потому что в прихожей возник еще один. Новый. То ли спустился сверху, то ли наоборот, вошел снизу.

Он что-то понял; но с реакцией у него тоже все было в порядке. Он взял старт еще на площадке, пролетел по маленькой прихожей, дверь отскочила, он заметил меня и успел выстрелить так, как и следовало в этой обстановке: на разрыв, а не на пробой. Чего он не смог – это установить правильную фокусировку. Не сумел оценить расстояние. Микрореакция аннигиляции произошла в метре передо мною. Меня отбросило; но мой-то дистант был сфокусирован точно, потому, кроме всего прочего, что на нем был установлен автофокактор, а до противников эта новинка, вероятно, не успела еще дойти. Вряд ли когда-нибудь я смогу привыкнуть к этому зрелищу: в месте солнечного сплетения возникает дыра, и тело распадается на две части, разлетающиеся в разные стороны.

Все. Прощай, дом, в котором мне было неплохо. Надеюсь, что расстанемся не навсегда. Но ведь человек лишь предполагает...

Я не собирался пользоваться лестницей: и ниже, и выше меня уже ждут, вопль о помощи вряд ли остался без внимания. Окном воспользоваться было бы не менее затруднительно, да и высоко слишком. Но, как уже говорилось, программа отступления была мною проработана давно и основательно.

В доме, как и в любом другом, были вентиляционные шахты; был также мусоропровод. Вентиляция удобна для отступления, но это всем давно известно, и ее стерегут не менее усердно, чем нормальные входы-выходы. С мусоропроводом – другое дело: малое дитя им еще

могло бы воспользоваться, но взрослый мужик – никогда, если только он нормально развит физически. Так везде – только не у меня. Поселившись в этом доме, я сразу же учинил основательный ремонт. Делали его мальчишки из системы, в которой я тогда подвизался. Они, не привлекая ничьего излишнего внимания, реконструировали и ту часть мусоропровода, что началась на уровне моей кухни, проходила через следующий – последний – этаж и заканчивалась хорошо оборудованным выходом на крышу. Причем сосед сверху ничего не подозревал: для него полезное устройство выглядело таким же узким, каким было до моего вмешательства, – только то, что он принимал за стенки шахты, на самом деле было лишь декорацией из тонкого пластика, который заодно скрывал и вмурованные в настоящую стенку скобы. Расширение хода произошло за счет переборки – они тут стали вдвое тоньше нормального; однако никакой нагрузки они не несли, так что опасности не возникло. Вот это и был мой запасной выход.

Я в последний раз проверил: все ли необходимое взято. Вроде бы. Ну что же: пошли?

В дверцу мусоропровода мне было бы не пролезть: она и сейчас оставалась такой же, какой была задумана проектировщиками. Этого нельзя сказать о той части кухонной стены, в которой эта дверца существовала. Надо было только знать, где нажать. Я знал. Часть стены, примерно метр на шестьдесят сантиметров, отошла вместе с висевшим на ней кастрюльным шкафчиком. Я ступил на нижнюю скобу. Ухватился за одну из верхних. Свободной рукой вернул стенку на место; мягко щелкнул замок. Я полез вверх. Снизу дуло, несло противным запахом, пришлось по возможности сдерживать дыхание. Но полного счастья, как известно, не бывает. Скобы тоже были до противного грязными и скользкими. И что такое мой верхний сосед выкидывает в мусоропровод? Сказать бы ему пару слов по этому поводу! Но вряд ли придется: он уже, надо думать, покойник, мои гости не очень разборчивы в средствах.

Кстати: теперь уже совершенно ясно, что они не из казенных служб. Иначе воспользоваться этим выходом мне не удалось бы: тут меня уже ждали бы.

А сейчас все было спокойно. Верхний этаж. Меньше минуты потребовалось, чтобы снять пластик и, сложив пополам каждую пластину, засунуть под одну из скоб. Кидать вниз их не следовало – лишний шум. Дальше пошло легче: с крыши никто мусора не сбрасывал, скобы были сухими. Лючок на крыше подогнан заподлицо с кровлей, сидел плотно, но был снабжен рычагом, чтобы не возиться долго с открыванием. Было бы неплохо оборудовать его и перископом, но на это мы не решились: оказалось бы слишком заметным; на крыше любили проводить время ребяташки, а от них мало что скроется.

Чтобы не рисковать зря, пришлось снова прибегнуть к помощи третьего глаза. Нет, на крыше охотников не было, только агралет по-прежнему виднелся поодаль. Пустой.

Я отогнал подальше искушение воспользоваться им: не успею скрыться, как они спохватятся и собьют меня – точно так же, как Веригу с его компанией. Исчезать нужно, не оставляя следов.

Тут же, на крыше, укрывшись за ближайшей лифтовой будкой, я воспользовался кое-чем из прихваченного из дому. Прогулялся по крыше – так, чтобы лифтовые будки – одна за другой – укрывали меня от возможного взгляда из кабины агралета или от чердачного выхода из моего подъезда – хотя теперь уже вряд ли моего.

У вентиляционного выхода дежурил человек. Его пришлось обойти по большой дуге. Он не повернулся; ему не было суждено умереть сегодня.

Я миновал три чердачных входа и вошел в четвертый. Вряд ли они страхуют все подъезды; кроме того, они сейчас не узнали бы меня, даже если бы среди них оказались близкие знакомые. Об искусстве преображения многие говорят пренебрежительно, но только потому, что сами им не владеют: это именно искусство, а не ремесло.

В лифте, спускаясь, я успел окончательно решить, куда сейчас податься.

Укрываться нужно там, где тебя меньше всего ждут и будут искать. Чтобы избежать дождя, лучше всего влезть в воду.

Альфред. Не исключено, что мои непрошенные визитеры связаны именно с ним. Возможно, они защищают его от приезжих с Синеры, а заодно от всех, кто оказывается связанным с синерианами. Я, видимо, оказался в их числе.

Как попасть к нему? Это, как я уже говорил, дело техники. С одним из его телохранителей может что-то приключиться. Совершенно случайно, разумеется. Понадобится замена. Будет запрос в одно из агентств, поставляющих такие кадры. Придет человек с наилучшими рекомендациями.

Плохо то, что все это нужно сделать за несколько часов.

Сейчас где-нибудь в тихом скверике я разберусь с его досье – с тем, что у меня в мике, в голове. Там наверняка найдется что-то полезное – например, имена людей, с которыми он считается, которым он верит.

А у этих людей, в свою очередь, найдутся другие люди...

И, во всяком случае, Лючана уже выполняет то, о чем я ее попросил. Как и я исполнил бы любое ее пожелание.

Мир велик, но настолько тесен, что везде встречается кто-нибудь знакомый. Правда, чаще – когда он не нужен. Но ведь из правил есть исключения.

Поищем исключения из правил.

Только не забудем: пока мы будем их искать, другие люди будут искать меня самого. И вовсе не затем, чтобы получить протекцию.

Ладно. Попугай был прав: ехать, так ехать. Поэтому пойдем пешком – до ближайшей станции метро.

На улице по-прежнему царит ленивая благодать. Но сейчас у меня почему-то не возникло приятного настроения. Было уже не до него.

Глава 2. Семь бед (день событий четырнадцатый)

Семь бед – один обед. Такой была любимая поговорка Аргона Серова, моего нынешнего – на новом месте работы – напарника.

В последний день нашей совместной службы свои беды мы получили сполна. Всю семерку, которая есть, как известно, число мудрости, совершенства и завершенности. А что касается обеда, то он в тот день так и остался всего лишь словом. Добрым пожеланием самому себе.

Оговорюсь: полное число бед пришлось только на мою долю. Аргону хватило четырех, а еще кое-кому досталось и того меньше.

Но по порядку.

Четырнадцать дней моей службы телохранителем у крупного ученого и делового человека по фамилии Альфред прошли нормально, и я успел полностью восстановить дыхание после гонки, которую пришлось выдержать, чтобы все-таки заполучить это место. Сам бы я ни за что не справился, но неожиданно помогли приятели по давней службе – и, как между нами всегда было принято, не потребовали объяснений. Нужно – значит нужно; такая мотивация среди нас почиталась вполне достаточной.

В результате телохранитель Альфреда, регулярно посещавший тренировочный зал, в обычном разминочном бою неожиданно схлопотал пару переломов; это вывело бы его из строя (при нынешних успехах регенеративной медицины) дня на три – однако Охраняемое Тело решило, что такой защитник, который и за самого себя постоять как следует не может, вряд ли достоин доверия. Чтобы не бросать тени на доброе имя пострадавшего, скажу: его вины в этом не было, и понесенный им ущерб ребятами был компенсирован. Таким образом я – после предъявления соответствующих рекомендаций – был принят на постоянную службу. Правда, с испытательным сроком в один месяц.

Конечно, я должен был немало поработать над собой, чтобы не только внешне, но и внутренне соответствовать рекомендациям и своей новой работе. То есть не только выглядеть, но и стать нормальным охранителем высшего класса, с его умениями, пластикой и психологией. Это необходимо, чтобы даже если меня начнет тестировать и вскрывать, как банку с пивом, какой-нибудь сенс посильнее (а такие, безусловно, существуют), он не нашел бы ничего, не совпадающего с маской. Такая настройка самого себя – дело не очень простое, оно требует определенных навыков; у меня они были, и потому, похоже, все получалось. Пока, во всяком случае, можно было спокойно ожидать возможности покопаться в сознании самого Альфреда: если у него действительно есть что-то, связанное с урагарой (именно так определил Верига предмет моего розыска), то – содержится оно в файлах или нет, но уж в его сознании и памяти должно находиться. И, раньше или позже, я улучу минутку, чтобы добраться до начинки моего нового хозяина, или Тела.

Тело – так мы для простоты называли между собой то, что обязаны были охранять. Официально Тело обладало многими учеными и деловыми титулами, где-то (в разных институтах, компаниях и советах) председательствовало или директорствовало, куда-то было избрано (а куда-то не было) – ну и так далее. Нам все это было по фигу. Нас наняли его охранять, мы принесли ему присягу – и честно выполняли ее: я – две недели, а мой напарник Аргон – вот уже второй год. По его словам, за это время в Тело – и на выездах, и тут, в его усадьбе, стреляли четыре раза, пытались взорвать – два и отравить – тоже два. Почему? Да хотя бы потому, наверное, что быть уважаемой личностью, большим начальником и богатым человеком – болезнь, нередко чреватая летальным исходом. Итого – восемь попыток. Восемь – число возрождения и

равновесия противоположных сил, следовательно, в ближайшем будущем следовало ожидать некоего спокойного времени – пока одна из сторон не подумает, что равновесие нарушено в ее пользу, и не попытается решить проблему в девятый раз.

Так полагал Аргон. Я же с ним не соглашался, помня, что восьмерка выступает и как знак смерти и разрушения и потому надо ждать неприятностей, пока не будет совершена десятая попытка; лишь на ней закончится этот цикл и настанет время большой передышки, за которой начнется следующий период бури и натиска.

Так или иначе, похоже было, что судьба относилась к Альфреду милостиво. И он, в общем, этого заслуживал. Потому что, несмотря на все его титулы и (что еще важнее) деньги, оставался человеком более или менее нормальным, не капризным, не психопатом или кем-нибудь в этом роде, со своей левой ногой вроде бы не советовался, а когда снисходил до разговоров с маленькими людьми вроде нас, – общался на равных, что нам, безусловно, очень нравилось. Правда, назвать его душой общества язык не повернулся бы, даже если бы за это полагалась особая плата: в общем, он был весьма замкнутым человеком, почти всегда погруженным в размышления. Аргон полагал, что такое поведение и должно быть свойственно ученым, а я подозревал, что дело тут в его одиночестве: в доме не было ни одной женщины, законной или незаконной, которая делала бы его жизнь полнее (те, что принадлежали к прислуге, в спальне его не обслуживали). Возможно, у него были сложности в том, что касалось сексуальной стороны жизни, но, может быть, ему просто хватало общения с самим собой; пока я еще не мог об этом судить, но собирался разобраться и в этом вопросе, как только мне удастся добраться до его подсознания.

Но даже не имея столь важной информации, я понимал, сравнивая Альфреда с Телами, у которых мне приходилось служить, когда я еще служил, – что на этот раз мне повезло: не приходилось излишне напрягаться, чтобы не послать всю затею куда подальше и вернуться к безмятежной, хотя и не очень обеспеченной жизни последних лет. И все остальные в доме, думается, относились к нему так же. Говоря, что судьба относилась к нему милостиво, я имел в виду и эту сторону жизни. К нему. Ну а к нам?

Служба, как я уже отметил, оказалась не из худших – хотя и со своими неудобствами.

К неудобствам относилось то, что (говоря армейским языком) увольнения в город нам, телохранителям, были раз и навсегда запрещены. Мы дневали и ночевали в доме Альфреда – за исключением случаев, когда хозяин совершал выезды. Так что я не удивлялся, слыша, как кто-нибудь из нас в минуты плохого настроения заявлял, что ему и прежде приходилось вести такой образ жизни – но тогда он хоть знал, за что ему навесили.

На самом же деле эти ограничения с лихвой перекрывались достоинствами. В доме мы не только служили, но и отдыхали, питались и развлекались (за счет нанимателя). А неплохую, надо сказать, плату за труд можно было сохранять до поры, когда от наших услуг откажутся.

Мало того. Мы находились здесь на правах (продолжая военную линию сравнений) среднего офицерского состава, так что у нас были даже свои подчиненные. Правда, немного: всего по два человека. Но нередко качество бывает важнее количества. Наш случай был именно таким.

Нет, что касается ординарцев – мы их называли, впрочем, оруженосцами, – то это были нормальные ребята, кандидаты в телохранители, старавшиеся перенять у нас как можно больше умений, без каких в нашем деле нельзя. На них лежала забота обо всем, что касалось службы: поддержание в чистоте и порядке экипировки и арсенала; на особо важных выходах они нас подстраховывали от возможных неожиданностей. Ну и тому подобное. Это, как я знал из прошлого опыта, было делом привычным – с тех пор, как телохранительство стало ремеслом для избранных.

Но вот второй подчиненный оказался для меня чем-то новым в практике охранного дела. Вернее – подчиненная.

Официально эта должность носила название горничной. Люди же изначально называли этих женщин подругами; на это обращение дамы откликались охотно.

Официально они должны были заниматься нашим гардеробом, питанием и здоровьем. В жизни же, как вы можете понять, этим чаще всего не ограничивалось. Отношения между телохранителем и его подругой быстро принимали куда более тесный характер, чем просто служебный. Если же этого не происходило – телохранитель имел право просить о замене горничной, и если его ценили, то так и делалось. Интимные отношения были возведены в ранг обязанности. Мне это объяснили сразу же, как только объявили о зачислении. Альфред сделал это без обиняков, в упор глядя на меня острыми, зеленовато-кариими глазами:

– Мне нужно, чтобы вы жили у меня нормальной человеческой жизнью. И я даю вам все, что нужно для этого. Можете заказывать портных, меню и женщину. Костюмы – не более шести в год, но столько вам и не понадобится; еда – без ограничений, но ожирение и диабет ведут к немедленному увольнению без пенсии, поскольку они – следствие распущенности и неумения поддерживать форму. Что касается женщины, то желательно, чтобы вы выбрали один раз – и надолго. Возможности выбора будут достаточными.

Это меня обрадовало: значит, не придется замещать моего предшественника у его дамы. Она, кстати, ушла по своей воле сразу же после его отставки – чтобы и дальше скрашивать жизнь пострадавшему. В этом, несомненно, был смысл: отставленный уносил с собою немалую толику информации, какая могла понадобиться недоброжелателям нашего нанимателя; но присутствие рядом соратницы по старой службе (а мы свято верили, что все милашки являлись информаторами хозяина) было своего рода гарантией сохранения если не верности, то, во всяком случае, секретов. Женщин на эту работу поставляло специальное агентство, и я был уверен, что со всеми ними существовали некие соглашения – не только у хозяев, но и у тех, кто девушек находил, обучал и поставлял. Так что выбрать и в самом деле было из кого: в моем распоряжении оказалось самое свежее издание объемистого Альбома. Так по традиции называлось то, что на самом деле было кристеллой с голограммами, и тут ошибиться мог разве что тот, кто не имел представления о собственных вкусах.

Я выбрал – пусть и не сразу, но зато окончательно. Судя по изображению, женщина была достаточно молода, но уж никак не соплячка; как я объяснил коллегам, внешность ее мне понравилась, о характере по изображению судить можно, к сожалению, не всегда, но то, что удалось установить, меня устраивало. Приятно было и то, что (судя по справке) на такой службе она оказалась впервые. Следовательно, ей не с чем будет сравнивать.

Клара – таково было ее имя – прибыла к вечеру второго дня моей службы, так что ужинали мы уже вместе. Аргону, правда, она вроде бы не очень понравилась, но в конце концов у него имелась своя подруга. Зато у меня возникла уверенность: я не прогадал.

Она сразу же показала, что предстоящая служба понятна ей во всех деталях. Когда вечером я вернулся из караулки, где мы по обыкновению обговаривали с Аргоном завтрашнее дежурство (сутки, и затем два дня свободных), Клара уже лежала в постели. Ей показалось, что я мешкаю, и она приободрила меня такими словами:

– Смелей, солдат. Я кусаюсь только при оргазме – да и то не очень больно.

– А ванна? – проворчал я для порядка.

– Я уже приняла. А ты отложи на потом. Меня терзает любопытство. Ты у меня, можно сказать, первый мужчина.

– То есть ты – девушка? – испугался я. Правда, притворно.

– Еще чего не хватало! – чуть ли не обиделась она.

В постели, прежде чем обнять ее, я поинтересовался:

– Скажи, а вы тоже можете выбирать? Или: «Это приказ!»?

– Я свободный человек, – сказала Клара, – и живу в свободном мире. Мы не служим из-под палки.

– Рад слышать, – сказал я. – Значит, у нас взаимность.

– Говоришь ты бойко, – заметила она. – Ну а как с остальным?..

Потом, уже засыпая, она сказала:

– Я ожидала, что будет хуже. Да, знаешь что?

– Что?

– Твое белье я переложил. Второй ящик снизу.

– Это хорошо, – одобрил я. – До двух я считаю, не сбиваясь.

– Эйнштейн! – пробормотала она. – Теперь можешь идти плескаться. Я уже сплю.

Так это было в конце второго дня.

И потом никаких недоразумений у меня с нею не возникало. Однажды, правда, мы оказались на грани размолвки. Женщины вообще любопытны; Клара не была исключением. И, проводя ревизию моего скудного достояния, она наткнулась на портретик моей жены. Когда я вернулся со службы в наш флигель, портрет стоял на столе, а Клара хмуро перевела взгляд с изображения на меня.

– Это что такое? – спросила она железным голосом.

– Моя жена, – кратко ответил я.

– Да ты в своем уме?!

Это было сказано как бы с сомнением. Но тут же голос сделался требовательным:

– Ты что же – любишь ее?

– Да, – я не стал колебаться с ответом.

Она вздохнула, что-то непонятное промелькнуло в глазах.

– Убери, – потребовала она. – Чтобы я его больше не видела.

Я кивнул.

– И никто другой! – добавила она тут же.

– Ты права. Ладно.

Я убрал подальше. Больше никакой напряженности между нами не возникало.

И вот – уже четырнадцатый день истек; или, иными словами – шестая часть тех трех месяцев, которые мне (по словам условно покойного Вериги) были даны для решения поставленной задачи. Такого срока обычно бывает достаточно, чтобы сориентироваться на новом месте. Однако за две недели мне удалось продвинуться не очень-то далеко. Кроме всего прочего – никак не следовало вызывать хоть какие-то подозрения не только у хозяина и персонала, но и у Клары: просто для страховки. Чем ближе к тебе человек – тем меньше он должен знать того, чего ему не положено. Поэтому я вел себя очень осторожно, стараясь ничем не отличаться от других, мне подобных. Но в конце концов решил, что пора и приступить к делу: период врас-тания в обстановку закончился, а чем больше уходило времени, тем оно становилось дороже.

Пятиэтажный особнячок за глухим шестиметровым забором насчитывал до трех десятков комнат, из которых сам хозяин занимал не более шести; этот блок образовывал центральную часть третьего этажа, так что ни одно из его помещений не имело окон и освещалось дневным светом при помощи достаточно нехитрой оптической системы. Иными словами, никакой снайпер извне не мог бы при всем желании поймать цель на мушку – если бы целью оказался хозяин. В среднюю часть дома имели доступ, кроме самого шефа, лишь его секретарь, личный бухгалтер, оператор установленного там сервера и очень немногие из гостей, достаточно редких. Охрана туда не была вхожа. По слухам, из этого блока существовал отдельный выход прямо на улицу; в таком случае, это мог быть только подземный ход, в который только из апар-

таментов хозяина и можно было попасть. Но, возможно, то были всего лишь слухи, всегда возникающие вокруг людей со странностями – а наш хозяин, безусловно, и был таким.

Остальная часть дома являлась для нас открытой; однако там не было ничего, что могло бы представить интерес для меня. Разве что пятый этаж, целиком занятый зимним садом, где росла всяческая экзотика; там, наверное, приятно было бы отдыхать, но в этом доме оранжерея почему-то именовалась лабораторией, и ходить туда без приглашения не рекомендовалось. Длинная дорога, на другом конце которой должны были находиться пресловутые сведения об урагаре, начиналась где-то в запретных комнатах – если она вообще здесь начиналась.

Итак, я решил, что готов приступить к решению задачи. Если бы еще кто-нибудь объяснил, с какого конца за нее ухватиться.

В самом деле: слова о том, что в руках моего нанимателя находятся сведения о местонахождении похищенных семян, были всего лишь пустым звуком. Нитей тут торчало множество, но потянуть не за ту единственную, что была мне нужна, означало бы вызвать целую лавину ненужных и опасных осложнений.

Найти и вернуть семена урагары.

Легко сказать.

Найти.

Но надо хоть приблизительно знать – что и где искать.

Семена. Откуда мне знать: не является ли это всего лишь условным названием, под которым может скрываться все что угодно? Новое оружие, бриллианты, произведения антиквариата, даже чьи-то дети, взятые в заложники? Из-за семечек любого растения вряд ли стали бы поднимать такой шум. Конечно, история знает и такое: в давние времена существовал такой ажиотаж вокруг голландских тюльпанов, что... Но будь что-то подобное в наши времена – я бы знал.

А если не знаешь, что именно искать, как же понять – где это разыскивать?

Если украдены деньги – ищут там, где можно их потратить или вложить. В банках, например. Если сумма крупная – не исключено, что есть данные об украденных купюрах: номера, серии, время выпуска... Кражи денег – дело привычное, и существуют методики работы по их розыску.

Если похитили драгоценности – внимание скупщикам краденого, ювелирам и рынкам.

Если украденное не носит общего характера, но является специализированным – то есть им может воспользоваться не любой человек, но лишь знаток, – ищут заказчика: того, кому такая специфика нужна.

Ценности искусства чаще всего находят в частных коллекциях, реже – в государственных музеях и на аукционах.

Везде есть своя история, свои традиции и правила игры.

Однако таинственные семена урагары в эти традиции не укладывались.

Ясно, что если их украли, то они кому-то понадобились. Кому? И – зачем?

О какой опасности для мира, в котором эти семена находятся, говорил тот, кто назвался Веригой? Это не взрывчатка и не отравы. И уж, конечно, не штамм культуры какой-нибудь сверхчумы. Хотя, конечно, чума – тоже природное явление. Однако, судя по уже полученной мною информации, деревья эти спокойно растут на Синере – без всяких, похоже, последствий для населения этого мира. Может быть, они как-то связаны с Незримыми Силами? Вряд ли: тогда я о них хоть что-нибудь, да слышал бы – особенно за последние годы. Нет, и эта версия, похоже, нереальна.

Где же их искать? Даже самый малый из миров Федерации достаточно велик. На ощупь тут ничего не нашаришь.

Итак, подумал я, удобно растянувшись на кровати и пользуясь отсутствием Клары, ушедшей поболтать с подружками, – итак, ближе к делу.

Что мне нужно?

Прежде всего – понять, в чем же заключается суть данного мне поручения. То есть узнать то, чего не успели сообщить Верига и его спутники.

Сказано: ученье – свет. То есть усвоение новой информации. Как рабочую версию примем, что это действительно семена. Он сказал – урагара? Семена урагары. Семена бывают у растений. Но и у животных тоже. Хотя у них это скорее сперма. Постой: Верига что-то говорил о хвое. Растение? Ну что же, для начала попытаемся искать среди растений...

Привычный мой мик подобен солнцу: он тоже, как сказал поэт, не блещет новизной. Но до сих пор я отлично обходился им – авось и на сей раз не подведет. Что ищем? Да эту самую – урагару. Пошлем запрос в сеть. И сварганим себе чашечку кофе – для приятного времяпрепровождения. Урагара. Каких только названий не существует в мире!..

Ответ пришел неожиданно быстро – я едва успел смолоть кофе. Ответ был кратким и недвусмысленным: никакой информации на тему «Урагара» в сети не существовало. Пустой номер.

Этого я, откровенно говоря, не ожидал. Что же – розыгрыш? Мистификация? Ну мы еще посмотрим – чьи шутки смешнее.

Однако в глубине души я знал, что смехом тут и не пахло. Какие уж шутки, если в их результате тебя поджигают в воздухе...

Многого, слишком многого не успел рассказать мне Верига.

Тем не менее – если не искать, то и не найдешь никогда.

Мне ясно указали на Альфреда и на этот дом. Значит – будем искать в этом доме. Откладывать более нельзя.

Наступившей ночью, прикинув все «за» и «против», я решился наконец удовлетворить свой интерес к запретной территории – порок, который так дорого обошелся в свое время женам Синей Бороды.

Своего напарника Аргона я без особого труда погрузил в крепкий сон, убедился и в том, что Клара мирно почивает и вряд ли отправится искать меня среди ночи, и в очередной обход двинулся в гордом одиночестве.

С замками и сигнализацией у меня была полная ясность, как если бы я успел выпить с ними на «ты». Они уступили мне, казалось, с облегчением, как истосковавшаяся по близости женщина.

План внутренних комнат и их обстановка были мне известны – благодаря все тому же главному зрению, третьему глазу, для которого не бывает стен. Это же свойство помогло мне миновать, не включая света и не пользуясь фонариком, всю мебель, на которую в ином случае я непременно налетел бы, и добраться до дверей хозяйской спальни. Отворять ее я не осмелился: эта дверь была снабжена своей особой системой сигнализации, единственной, в которой я не смог заранее разобраться.

Серьезной помехой являлись, конечно, видеокamеры, работавшие в круглосуточном режиме в каждой комнате. Отключить их было пустяковым делом – но это привело бы к разрыву времени в записи, а это не укрылось бы от начальника охраны, каждое утро просматривавшего кристеллы; компьютер сам обратил бы его внимание на сбой. Разумеется, и с хронометражем можно было совладать – будь у меня нужные для этого время и условия. Но на них рассчитывать не приходилось. Камеры отлично видели и писали и в полной темноте: каждая была оборудована ноктоскопом. Так что пришлось напрячься. На это, кстати, и ушла большая часть времени.

Решение оказалось достаточно простым: сочинить вирусную программку и ввести ее в тот компьютер, который утром и будет отслеживать видеозаписи. Я выполнил ее в голове, на моем мике. Она предписывала не обращать внимания на запись времени, не учитывать ее при анализе записей именно в нужное мне утро; выполнив задачу – самоуничтожиться. Теперь можно было отключить камеры на время моего пребывания в комнатах хозяина, где я в результате всех усилий и оказался.

Интересовал меня главным образом его мик: в наше время самые смертоносные тайны хранят не в сейфах, но в своем внутреннем компьютере, в голове, в секретных, зашифрованных-перешифрованных и многократно защищенных файлах; если пытаться проникнуть в них, не зная броду, острая головная боль заставит тестируемого пробудиться даже от глубокого наркотического сна. Интуиция говорила, что пока еще никакой угрозы для меня не было; храп Альфреда доносился даже сюда. Но при вторжении картина могла измениться не в мою пользу. Я испытывал ощущение некоторого неудобства перед хозяином: как я уже говорил, он был едва ли не лучшим из моих нанимателей. И пришлось потратить несколько минут на то, чтобы доказать себе, что именно так я и должен поступить; впрочем, уговорить себя всегда куда легче, чем любого другого.

Задача проникновения в спальню так и оставалась нерешенной из-за системы защиты. Но мне и необязательно было туда входить: если я подойду к стене, за которой он спит, расстояние между нами будет не более полуметра, а стена – не помеха для сверхвысоких частот.

Я бесшумно занял выбранную позицию. ЛК Альфреда, необходимый для входа в его мик, я успел узнать; вернее, даже не я, а Клара: у женщины другой женщине всегда легче получить нужную информацию, чем мужчине, а личной секретаршей Альфреда была, по традиции, женщина – правда, давно уже вышедшая из обычного секретарского возраста; ей-то единственной Личный Код хозяина и был известен. Я изготовился для проникновения и без особых усилий вошел в голову Альфреда, в мик, в каталог: так было проще всего просмотреть все файлы, которых в голове хозяина было немало: только под сверхзащитой я насчитал их шесть.

Защитных оболочек и шифров я не очень-то боялся: мой собственный мик был уже вовсе не тем, какой вживили мне в младенчестве: за время жизни я не раз подвергал его усовершенствованиям – это не просто и порою болезненно, однако овчинка стоила выделки. Так что сейчас я оказался в файлах Альфреда, нимало не нарушив его сна.

Большинство из них отпало сразу, едва я успел проглядеть их содержимое. Конечно, отчеты личного бухгалтера могли, наверное, содержать немало интересных для налогового департамента сведений, но для моих поисков это был бы не самый короткий путь. Для того чтобы оценить записи сугубо научного характера, потребовалась бы подготовка, какой я не обладал: там была какая-то суперсложная генетика. Личный архив был интереснее: в нем хранилась достаточно обширная переписка, в том числе (к моему великому изумлению) и на чисто лирические темы. Очень нежные (кто бы подумал!) послания даме по имени Маргарита – и ее ответы, не менее трогательные. Тут я решил проявить скромность, и не стал копировать их для последующего изучения. Пошел дальше. Однако быстрый поиск слов «урагара» и «семена» не дал никакого результата. Если интересующие меня данные и содержались в файлах, то, возможно, обозначались иносказательно – условными именами. Будь в моем распоряжении еще неделя, я бы искал; но я располагал, по собственным расчетам, самое большее часом: именно через это время мне следовало в очередной раз отметить на контрольных часах, начиная следующий обход. Правда, самую малость я записал себе на мик, экономя место для более важной информации, которая – интуитивно ощущалось – должна была тут найтись.

Она, или во всяком случае что-то, похожее на нужные материалы – обнаружилась в четвертой директории. Уже одно то, что все ее файлы были зашифрованы, заставило насторожиться. Пришлось скопировать все в таком виде; это была явно безнадежная затея, потому что, даже не считая времени на дешифровку, серьезное ознакомление с ними заняло бы, пожалуй,

столько времени, сколько люди не живут. Употребив такую гиперболу, я невольно усмехнулся: ну, не так много, конечно... Но я заранее понимал, что вряд ли файлы мне пригодятся: не возникало во мне того подсознательного ощущения, какое способно неожиданно убедить вас в том, что вы отыскиали то, что нужно. Наверняка в этих файлах содержалась весьма ценная информация – если бы меня интересовали коммерческие тайны Альфреда или его новые научные разработки и идеи; но они оставляли меня безразличным, а ничего, что имело бы отношение к семенам урагары, в этих файлах и не ночевало – по моим интуитивным ощущениям, во всяком случае.

Время мое истекало. И тут – по-моему, совершенно некстати – в мике спящего Альфреда возник сигнал пробуждения. Не заранее установленный внутренний будильник, но внешний вызов. Кто-то хотел говорить с Альфредом среди ночи. Странно. До сих пор у меня сохранялось впечатление о хозяине как о человеке, который не позволяет беспокоить себя в неурочные часы. Придется пересмотреть свои воззрения.

Альфред в спальне перестал храпеть и заворочался. После второго сигнала я услышал его хриплый со сна и явно недовольный голос:

– Альфред.

Вообще, пользуясь ЛК-связью, вслух произносить слова вовсе не обязательно: достаточно и мыслей. То, что Альфред заговорил, означало лишь, что он еще не проснулся. Я же мог снимать разговор прямо с его мика.

Прислушиваясь, я думал: вот уж некстати разбудили. Придется затаиться и не дышать, пока сон не одолеет его снова. Но меня заинтересовало: что это за сверхсрочное дело, ради которого Альфреда решаются потревожить? И кто таков этот смельчак?

На последний вопрос я получил ответ сразу же, едва вызывавший проговорил:

– Альфред, последнее предупреждение. Предлагаем немедленно сообщить, где находится объект и когда начнется отсчет. Вызовем вас в полдень.

Видимо, у Альфреда эти слова включили какую-то линию размышлений, потому что он ответил не сразу:

– Подите к черту. Я ведь сказал совершенно определенно: отсчет начнется завтра. А что касается места и всего прочего – вы получите все подробности на кристелле, я отправлю ее рано утром. Так что все могут быть абсолютно спокойны – так же, как спокоен я сам.

– Вы отдадите себе отчет в возможных последствиях, если что-нибудь окажется не так?

Ответом было молчание.

– Альфред! Вы меня слышите?

Голос сделался куда более резким и требовательным.

– Да слышу, слышу... – прозвучало и на этот раз не сразу.

– Повторяю: вы сразу же передадите нам полный контроль над процессом. И больше никаких претензий к вам не будет.

– Мне уже надоело повторять: на это я не пойду. В конце концов, кто из нас специалист? Контроль я оставляю за собой.

– Это ваше последнее слово?

– Вам угодно, чтобы я повторил в третий раз? У вас проблемы со слухом?

– Вы понимаете, к чему это может привести?

В ответ последовал смешок:

– Да знаю... Но и вы знаете: без меня малейший сбой приведет к срыву всего процесса.

Последовала пауза. И за ней:

– Больше предупреждений не будет.

– Мне не нужны предупреждения. Я выполню весь контракт, до последней точки. И больше не будите меня, пожалуйста. Мой мозг нуждается в отдыхе. Я не ломовая лошадь!

На этом разговор закончился. Но не ситуация. Я услышал, как хозяин встает, недовольно кряхтя: видимо, природа потребовала своего. Встреча с ним в таких условиях мною не планировалась. К счастью, путь к удобствам не лежал через эту комнату. Однако придется ждать, пока в туалете не зашумит вода; под этот звук я и рассчитывал ретироваться. Да не тут-то было.

Альфред не успел еще выйти из спальни, как там зазвучал еще один голос. И вовсе не по какой-либо связи. Именно там. И голос этот принадлежал женщине. Молодой голос (впрочем, голос далеко не всегда говорит о подлинном возрасте) женщины, сознающей свою привлекательность и защищенность, голос безмятежный и чуть игривый:

– Кто это был? Так рано? Или скорее так поздно?

Если бы вопрос этот был обращен ко мне, я в тот миг не смог бы ответить ни полслова: я просто онемел от неожиданности. Женщина в спальне Альфреда?! Ну и ну! Так вот в чем был секрет его хорошего настроения по утрам вторников и пятниц. Как же дама попадала к кавалеру никем не замеченной? Ну конечно, конечно: прямой выход, которым он один только и мог пользоваться...

– Да все они – ты знаешь, кто.

Теперь ее голос уже выразил тревогу:

– Я ведь говорила тебе – не надо было заниматься этим. Можно ведь было купить какую-то часть – и работать с нею лабораторно, без всякого риска... Тебе надо выйти, пока не поздно.

– Поздно, – ответил Альфред и затворил за собою дверь, направляясь туда, куда ему было нужно. Женщина глубоко вздохнула – раз и другой. Пробормотала что-то неразличимое. В ее мик войти я не мог: ЛК женщины не был мне известен, как и вообще ничего о ней. А я-то считал себя профессионалом...

Пришлось ждать, пока хозяин не вернется в постель: была надежда, что разговор продолжится. Но он не возобновился; единственное, что я еще услышал, было:

– Я еще подумаю. Утром. А сейчас, раз уж мы все равно проснулись...

Нет, кажется, с сексом у него все было в порядке. Но сейчас это интересовало меня меньше всего. Пора была уходить.

Закончив операцию, я благополучно вернулся в нашу караулку. По пути снова не утерпел и заглянул в свою берлогу; Клара спала, дыхание ее было легким, бесшумным, выражение лица – безмятежным. Стоило бы и мне поспать на диванчике, на котором проходила большая часть нашей вахты; однако нетерпение оказалось сильнее.

В караулке я мысленно подвел итоги вылазки.

В общем, ее можно было считать удачной.

Правда, ничего нового об урагаре узнать мне не удалось. Но то, что я выяснил, было, пожалуй, не менее важно и заставляло о многом подумать.

Выяснилось, что у Альфреда была близкая женщина, отношения с которой он почему-то хранил в секрете. Мелочь, конечно, но интересно.

Я узнал также, что у моего хозяина есть контракт с кем-то, выполнение которого связано с какой-то опасностью. Странно, но Альфред выступает в нем в качестве исполнителя, а не заказчика, хотя его положению скорее соответствовал бы второй вариант.

Человека, разбудившего Альфреда, мне идентифицировать не удалось: мой мик проанализировал его голос и недвусмысленно заключил, что я с ним никогда не встречался. Голос был, кстати, достаточно невыразительным, без особых примет. Не то, что, допустим, Верига с его слишком характерным акцентом. «Торокие коспота, Синера косноязычная...»

Стоп.

Косноязычная, да.

Верига говорил мне о «семенах урагары». Я так и услышал. А произношение? Его трижды траханное синерианское произношение?

В таком случае, это «уракара». Запустим такой вариант.

Я дал задание мику и принялся варить кофе.

Питье успело свариться, и я выпил полчашки, пока не начался обвал. Повалила информация по уракаре: где и что.

Пришлось писать в память мика. От этой процедуры иногда начинает болеть голова. На сей раз пронесло. Правда, дело оказалось не столь страшным, как я испугался было. Источников было много, но информации в каждом из них нашлось не густо. К тому же, как вскоре выяснилось, она часто дублировалась.

Но и того, что было, хватило мне на весь остаток ночи. И я не стал жалеть о потраченном времени.

Потому что кое-что там и в самом деле было интересным.

Например:

«Уракара (*Urasara urasara*) принадлежит к дикорастущей флоре мира Синеры. Местному населению известна как „Райское дерево“. У. – многолетнее растение, лиственно-хвойное (см. ниже) дерево, единственный известный в наше время реликтовый представитель одноименного семейства, некогда многочисленного (обнаружены ископаемые экземпляры по меньшей мере еще восьми видов, до середины прошлого века в природе Синеры был распространен еще один вид – *Nevela urasara*, варварски вырубленный из-за его высокоценной древесины, служившей некоторое время единственным предметом местного экспорта). Ареал произрастания уракары крайне ограничен: одно лишь высокогорное плато Зитака, мир Синера. В годы листоношения у. цветет и плодоносит небольшими (до 2 см в диаметре) ягодами синего цвета, служащими пищей некоторым видам птиц и мелких млекопитающих; людьми не употребляются в пищу вследствие неприятного гнилостного вкуса и запаха. В хвойные сезоны (примерно один год из пятнадцати, что вызывается, по существующим воззрениям, циклическими колебаниями климата) у. плодоносит, по статистике, лишь в одном из пяти сезонов, что связано положительно с уменьшением численности вида скальных жуков, служащих опылителями. В хвойном варианте на одном дереве вызревает, как правило, лишь один плод, заключающий в себе одну косточку, подобно земным абрикосу или сливе. Попытки акклиматизировать у. в других мирах и даже в других районах Синеры до сих пор к успеху не привели из-за чрезвычайной требовательности растения к почвенно-климатическим условиям, своеобразия которых на плато Зитака до сих пор еще не подвергнуто серьезному анализу. Есть предположения (см. А.Ф. Упиц, Альпийская растительность Синеры; издание Тазонского университета, 2669), что определенную, быть может, даже решающую роль в этих условиях играет спектр космических излучений...»

Ну ладно, ладно. Только из-за чего сыр-бор разгорелся? Все ботанические тонкости меня пока что не очень интересуют. Чем еще просветит меня «Ботаника миров Федерации. Энциклопедия», откуда и извлечен этот пассаж?

Целый набор поводов для размышления...

Косточки – не чертежи и не детали, которые можно скопировать и воспроизвести. Не произведения искусства. Не деньги и, логически рассуждая, не драгоценности. Тем не менее они, конечно, имеют ценность и, вероятно, немалую – судя по тому, как к ним относятся на Синере. Однако ценность ценности рознь. Растение или животное могут являться ценностью духовной – талисманом, тотемом, святыней. Значит, могут быть и косточки. Тогда их похищение – или акт хулиганства, или действия какой-то оппозиции, исповедующей другую систему ценностей. Мне нужен хотя бы намек на это. Иначе я так и не найду, с чего начать.

А впрочем...

Пожалуй, все складывается наилучшим образом. Мне не к чему искать самому: Альфред наверняка покажет. Потому что после такого предупреждения он, безусловно, предпри-

мет какие-то действия, чтобы обезопасить не только себя, но и ту информацию, которой от него добивались.

Надо только немного обождать.

Был у меня и другой повод для размышлений: Верига, раз уж я о нем вспомнил (очень кстати!) и его не совсем понятные мне действия. Видимо, он уцелел, когда их агрик сожгли; но почему потом не вышел на связь со мной? Нетрудно ведь установить, что я приступил к выполнению его задачи. Он перестал мне доверять? Почему?

Над этим я раздумывал недолго: картина представлялась мне ясной.

Совсем так же, как я считал погибшим его, он успел уже похоронить меня. Каким-то образом уцелев, он – или кто-то из его людей – наверняка навестил мое жилище и увидел там то, что только и можно было увидеть: следы нападения. Тел к тому времени там уже скорее всего не осталось, и у него были все основания думать, что увезли и меня – труп, а может быть, и живого. Для Вериги это означало прежде всего, что ему следовало рубить все концы, что связывали нас. Возможно, он попытался выяснить мою судьбу, набирая мой ЛК – но я, нанимаясь к Альфреду, конечно, сменил Личный Код, как и большую часть своей биографии. Верига не нашел меня точно так же, как я этим же способом ничего не смог узнать о нем. И, видимо, он будет предпринимать какие-то другие меры. Собственно, я могу сейчас с чистой совестью выйти из игры. Избежать всякого риска.

Еще два часа тому назад я с удовольствием принял бы такое решение. Но сейчас, когда удалось уже ухватиться за какой-то кончик нужной информации, мне захотелось работать и дальше. Как и всегда, достаточно оказывается войти во вкус – и тебя придется отрывать от этого дела по частям. Ну и, кроме того, очень не хотелось отдавать деньги, раз уж они были получены. Они были теперь моими; а отдавать свое за здорово живешь не понравится никому.

Ну что же: подожду еще немного. Утром нам предстояло сдать дежурство, а затем у меня будут целых два дня, чтобы как следует поразмыслить над новой информацией и навести кое-какие справки. Ничто не обещало особых тревог.

Вовсе не хочу сказать, что в мирах Федерации царила благодать. Жизнь была такой же пакостной, как и во все остальные дни. Где-то на Сидоне кто-то (по мнению обозревателя «Глобал-пресс», то были головорезы из «Десницы Господа», московский же «Галактинформ» валил все на «Сынов ночи», но официально никто пока что ответственности на себя не брал) – так вот, кто-то в который уже раз рванул энергопровод; в другом месте толпа шла в атаку на чье-то посольство, обидевшись на очередное ужесточение режима иммиграции из мира А в мир Б; пропала связь с транспортом, отвозившим очередную команду контрактников на станцию в новом, пока еще только изучаемом (неизбежный этап перед началом освоения) мире – сейчас уже не помню, на ближнюю, оперативную, или дальнюю, научную, да и какая, в конце концов, разница? Как обычно в таких случаях, корабль объявится где-нибудь в другой части Простора, контрактники окажутся заложниками и начнется очередной торг. Либо же их просто продадут в рабство в какую-нибудь отдаленную систему. Одним словом, шла нормальная жизнь, не имевшая вроде бы никакого отношения к семенам уракары и к моей судьбе.

Я позволил Аргону проснуться с полной уверенностью в том, что мы только что завершили совместный обход, поскольку близился час, когда начальник охраны навещал нас, чтобы убедиться, что мы еще не проспали всего на свете. Сам же уселся поудобнее и вошел в легкий транс – с чистой совестью и, кроме того, с надеждой на то, что во время транса мое подсознание разберется с новой информацией, расставит все по местам и подскажет – чем и в каком порядке надо заниматься. Однако вскоре оставил эти попытки: Аргон мешал сосредоточиться, по своей привычке излагая все, что ему нынче приснилось; ничего интересного в его сновидениях, впрочем, не было. Так что последние минуты перед сдачей дежурства мы провели спокойно, попивая хозяйский кофе и вслух размышляя на тему: честно ли продули вчера «Муш-

кетеры короля» «Черным корсарам», да еще с разницей в три плюхи – или игра была закуплена. Я считал, что продули по игре; я вообще склонен верить в людскую порядочность, пусть это и звучит странно. Однако Аргон никак не желал соглашаться с моими выводами, и мы даже немного поспорили, оставшись каждый при своем мнении. Хотя на самом деле это волновало нас ничуть не больше, чем судьба посла или контрактников; просто надо же было общаться.

Вот так текла жизнь до одиннадцати тридцати. А там словно кто-то поднял кулису – и хлынуло. Беда за бедой.

Первая из них заключалась в том, что прибыл камердинер Тела и возвестил, что Оно желает нас видеть.

Не теряя времени, мы подхватились и потопали за лейб-хранителем подштанников. И Аргон, и я прекрасно помнили, что наша вахта кончается, навешивать на нас какие-то поручения Тело вроде бы не вправе; но мы учитывали и другое: нынче воскресенье, а именно по этим дням нашему брату выплачивалось жалованье. Каждую неделю. С ожидаемыми деньгами у каждого из нас были связаны кое-какие личные планы: даже занимаясь сложной проблемой, человек остается простым смертным со всеми его слабостями, и поэтому то, что на моем счете в банке лежала очень симпатичная сумма, аванс за уракару, ничуть не уменьшало желания получить очередной взнос от Альфреда – хотя бы для того, чтобы купить Кларе какую-нибудь тряпку или побрякушку. А потому никак не следовало заставлять Тело ждать нас: оно ведь могло отложить выплату и до позднего вечера, чего мы никак не хотели. А кроме того – и это было главным – мне хотелось увидеть, как повлиял на него ночной разговор с неизвестным, и в зависимости от этого решить, какие действия буду предпринимать я сам. Если он, взяв с собой заступающую смену, куда-нибудь отправится, я смогу, соблюдая предосторожности, продолжить исследование его апартаментов, куда в его отсутствие никто не заходил. Если же Альфред прикажет перейти на осадный режим – ничего не поделаешь, придется готовиться к драке. В глубине души я опасался, что именно такое решение он и примет, хотя интуиция подсказывала, что его ходы окажутся другими.

Выйдя из дежурки, мы, как и полагалось, мимоходом проверили, хорошо ли заперты двери, нормально ли работают сигнальные системы и обзорные камеры, включена ли оборонительная автоматика. Все это входило в наши обязанности. Техника и молектроника оказались в наилучшем порядке, и мы явились пред очи нашего работодателя, не чувствуя за собой никакой вины.

Тело в этот достаточно ранний час было облачено не в пижаму и толстый халат из шерстяной пены, как обычно; видимо, Альфред успел уже проводить ночную гостью хотя бы до выхода на улицу (я был убежден, что этот его персональный ход выходил наружу где-то по ту сторону забора, так что никакая охрана ее не засекала), и по этому поводу оделся в удобный дорожный костюм цвета кофе с молоком, стоивший, по моей оценке, не менее трех тысяч галларов, или же десяти тысяч рулей Теллуса. Хозяин удобно располагался на полумесяце (так я враз окрестил один из диванов в его комнате потому, что именно такой формой этот предмет мебели обладал). Недопитая чашка кофе (полупрозрачный фарфор с золотыми орлами и пальмовыми листьями; такой кофейный сервизик стоил моего нынешнего трехмесячного заработка, я это знал точно, поскольку сам закупил себе такой же лет семь тому назад) – итак, чашка эта вместе с содержимым остывала на столике, рядом с серебряным сливочником и такой же сахарницей: в своих вкусах генеральный озеленитель был консервативен. Все это было обычным; но вот бутылка с солнечного цвета пойлом и высокий стаканчик с остатками на дне – это уже выходило за пределы обыденного: соблюдая старинные нормы, Тело до пяти вечера, как правило, спиртного не потребляло. Значит, ночь, посвященная празднику любви, перевела стрелку, и хозяин покатился по каким-то новым рельсам. Так что нам следовало ожидать неожиданностей, и вовсе не обязательно самых приятных. Потому что (я установил это, бегло прозондиро-

вав его) в его подсознании весьма своеобразно смешались удовлетворение – и какая-то неуверенность, желание – и одновременно нежелание совершить какой-то поступок.

Доказательства последовали немедленно.

– Как у вас, уважаемые доценты, хватает наглости выполнять служебные обязанности в таком виде?

Мы вроде бы были в порядке – по нашему мнению. Но начальство всегда право. Главный озеленитель, как мне показалось, разогревал себя, как мотор с утра; это означало, что предстоит выезд; все знали, что хорошо он чувствовал себя только дома, где, кроме нас, была еще куча всякой автоматики, которую при всем желании нельзя было таскать с собой даже в его бронированном агрике. Но на выезд – не наша очередь, мы ведь заканчиваем дежурство, остались какие-то минуты!

– ...Вы – застегните пуговицу. На рубашке, я подразумеваю. А когда вы в последний раз чистили ботинки? В минувшем геологическом периоде?

Аргон не стал отвечать – лишь кивнул, как бы давая понять, что принимает упрёки к сведению.

– А вы, профессор, чем это от вас несет? Ставили химические эксперименты?

Я, выходит, попал уже в профессора. Продвижение по службе всегда приятно. Нести же от меня могло только «О фриволем» от Фрагонара. Но я решил не уточнять. Наши ответы Телу на самом деле вовсе не требовались.

– Я, кажется, плачу вам достаточно, чтобы вы выглядели по-человечески. Не так ли? И на что только вы тратите деньги? На водку? Моей не хватает, что ли?

Мы одновременно покачали головами.

– А теперь, – продолжил он, – приведите, джентльмены, себя в порядок. Потому что через полчаса мы полетим... э-э... подышать свежим воздухом. Давно не были на природе. Вы, мосье химик (это было обращено ко мне, поскольку в нашей паре пилотом был я), – вы проследите, чтобы агрик был заряжен до предела.

И пояснил, хотя никто от него этого не мог требовать:

– Нервы что-то разгулялись. Лучший способ снять напряжение – подольше побыть на природе. Теснее пообщаться с флорой. Что такое флора – вы, надеюсь, не забыли? Похвально. Природа добра, а вот люди...

Когда он говорил «природа...», в глазах его на миг возникло мечтательное выражение. Известный ботаник, он, видимо, живую природу действительно любил. Людей же, похоже, не идеализировал. Я почувствовал, как мое мнение о нем меняется к лучшему. Пожалуй, разрабатывая эту тему, можно будет и правда сблизиться с ним, чтобы побольше узнать о том, ради чего я и оказался в его доме.

Тем не менее в ответ на его заявление мы чуть помедлили, и это от него не укрылось.

– Есть возражения? Животик болит? Или нужно готовиться к симпозиуму? – Тон его снова стал язвительным.

– Хозяин, наша смена...

– Ваши сменщики сейчас заступят, – это пояснил нам наш шеф, начальник охраны, совсем некстати оказавшийся тут же. – А вы сопроводите хозяина. Договор помните хорошо?

Мы помнили.

– Деньги получите, когда вернемся, – добавил уже хозяин. – За выезд – особо, сверхурочные. А за попытку возражать понесете наказание: поможете загрузить в агрик кое-что из лаборатории. Так что наденьте мантии поверх ваших фракингов.

Последнее слово было его личным вкладом в языкотворчество и выражало крайнюю нелюбовь к ритуальным нарядам. Что же касается денег, то наш хозяин, невзирая на его богатство (или благодаря ему), был плательщиком весьма экономным, и, возможно, откладывая платеж на вечер, исходил из того, что если за день что-то такое случится, то платить деньги

будет не за что – и, возможно, некому станет их получать. Не знаю, учитывал ли он и то, что мир мог бы недосчитаться и самого распорядителя кредитов. Думаю, что такие мысли он отгонял подальше. Но мы и на самом деле всегда были готовы закрыть его своими телами – Аргон потому, что давно уже принадлежал к элите этого ремесла, а я себя, как уже сказано, настроил на такой же лад; умения же у меня и без того хватало.

Итак, вот первая беда: зря обругали. И вторая: нагрузили не в очередь. Придется извиняться перед Кларой за крах наших планов.

Но эти две беды можно было пережить без особых затруднений.

Да это и не беды даже. Как говорится – горе не беда.

Мы с Аргоном облачились в длинные халаты и поперлись на пятый этаж – отбывать наказание. Старший садовник и его подручный (по номенклатуре Альфреда, «ассистент») уже подготовили груз, который нам пришлось перетаскивать в багажный отсек агрика, пока еще стоявшего в ангаре на крыше. Я так и не понял, что мы такое носим: плоские пластиковые коробки пятьдесят на пятьдесят, а в высоту не более пяти сантиметров. Увидев их, я облегченно вздохнул: во всяком случае, не надорвемся, если даже будем брать стопками по десять штук. Но коробок было много, и возиться пришлось битый час. По истечении этого времени на крышу выскочили двое наших коллег – новая смена – и занялись проверкой окружающего пространства. Найдя его в порядке – просигналили, и в ангаре возник Альфред с пузатым кейсом в руке и немедленно вскочил в кабину. Я уже собрался сесть на свое место, чтобы вывести машину на открытое пространство и стартовать, но хозяин удержал меня:

– Совсем запомню. Возьмите это, профессор, и немедленно отправьте по магнитке. Просто вбросьте.

Я и без него знал, как обращаться с магнитной почтой. Но для этого пришлось съехать на первый этаж. По дороге я не утерпел и, напрягая свой мик, заглянул в содержимое кристеллы. Оно оказалось интересным – судя по первым словам. И я решил, что адресат обойдется какое-то время и без этого сообщения, а я на досуге попробую разобраться в нем как следует.

Так что с первого этажа я вернулся на крышу и доложил, что поручение выполнено. Обман нанимателя. Но от этого до беды еще очень далеко – так почему-то подумалось мне, когда я, возложив длани на пульт, вывел агрик на площадку, произвел контрольное тестирование и, включив антиграв, поднял машину в воздух. Все было тихо и спокойно.

Третья беда настигла нас значительно позже и оказалась посерьезнее.

Полет до загородной резиденции хозяина занял сорок две минуты. «Усадьбой» Альфред именовал обширный участок – на взгляд, гектара три с гулей, – на котором высились два двухэтажных дома, а также с полдюжины служб, два просторных вольера (в одном расхаживали страусы, в другом – какая-то незнакомая мне живность из черт знает какого мира) и мало ли еще что. Посадив машину, я с интересом оглядывался, пока туземный народец вытаскивал из обширного багажника то, что мы с Аргоном в поте лица туда грузили. Коробки уносили в красивый павильончик, вокруг которого росло немало деревьев – наших, родных, к которым я всегда испытывал нежность, и потому без всякого удовольствия оглядел участок, на котором расположились, как я подумал, малоформатные джунгли: никак не меньше гектара было занято густыми зарослями невысокого – по пояс мне – кустарника со странной, я бы сказал, седой листвой на прямых стеблях; мне подумалось, что в старину из них получались бы хорошие стрелы. Альфред внимательно следил за разгрузкой. Закрыв опустошенный багажник, я подошел к нему.

– Это что, ягодник? – спросил я, просто чтобы не стоять молча. Когда разговариваешь – меньше шансов нарваться на какое-нибудь новое поручение. – В такой чаще трудно, наверное, снимать урожай?

– Это секрида, – ответил он с таким выражением, словно это название разом все объясняло. Покосился на меня и, наверное, решил, что дополнительная информация все-таки не помешает. – Южный Армаг. У нас до сих пор не приживалась, и меня пытались уверить, что и не приживется. Дефицит сообразительности.

Он повернулся, чтобы подозвать стоявшего поодаль в ожидании распоряжений генерал-губернатора этой колонии:

- Вы все приготовили?
- Согласно вашим указаниям.
- Тогда начинайте.

И началось действие, которого я, признаться, никак не ожидал от такого любителя растений, каким был Альфред: человек двадцать, вооруженных лопатами и топорами, появились откуда-то сзади и, рассыпавшись в цепь, пошли в атаку на эту самую секриду, которую так трудно было укоренить здесь. Минут пятнадцать я наблюдал, как седые кусты, протестуяще размахивая стеблями, выворачивались вместе с корнями и отгаскивались в сторону, где уже разгорались костры. Мне стало искренне жалко эти кустики: пусть чужая, но все-таки жизнь... Кажется, и сам Альфред испытывал схожие чувства – судя по тому, что он глубоко вздохнул – и еще раз, и еще.

– Хозяин, но зачем же?.. – не утерпел я.

Он оглянулся и сердито посмотрел на меня:

– Это имеет значение для несения охраны?

– Виноват... – только и пробормотал я, потому что и действительно был виноват: забывать об охране никак не следовало. Хотя сейчас глазами и ушами был Аргон, но и я был не вправе расслабляться.

Я отошел на позицию, еще раньше мною выбранную, и просигналил Аргону, что включился в работу. Не сказать, что здесь были хорошие условия для охраны: тут же рядом торчал частый гребешок, или скорее щетка ростков; чуть дальше виднелось множество взрослых экземпляров той же породы: они с трех сторон охватывали тот квадрат, на котором сейчас шло избиение младенцев. В отличие от многих других эта порода была мне знакома: то была та самая армагская чинкойя, что оживляла наши городские пейзажи. Знания и искусство Альфреда помогли им прижиться в слишком суровом, казалось бы, для них климате. Потому, наверное, они и вошли в моду: чаще всего нравится то, что необычно для наших привычек. Вряд ли (подумал я мельком) таинственная уракара окажется похожей на эти приятные образцы чужой растительности: существа, начиненные сюрпризами, как правило, ничем не выдаются внешне, они мимикрируют, маскируются под безвредных...

Однако особенно разглядывать все было некогда: наша с Аргоном задача и тут оставалась прежней и требовала постоянного внимания и напряжения сил и способностей: я вовсе не хотел получать еще и новые замечания.

С уничтожением кустарника провозились часа три, Альфред все время бегал по делянке и, по-моему, больше мешал, чем помогал, но это было уже не мое дело. Мое было – не терять его из виду и – в случае чего – своевременно принять меры по защите. Я так и делал; и был момент, когда я уже готов был применить свои умения и навыки: когда к хозяину приблизился человек, только что вышедший из второго дома и в посадке леса никак не участвовавший. В руке незнакомец нес кейс; мне это не понравилось: в таком чемоданчике нередко оказывается готовое к бою оружие, стреляющее через стенку. Уже одно это заставило меня насторожиться, а еще более – то, что парень этот, похоже, не был известен и самому хозяину: так я заключил, когда на лице Альфреда возникло выражение некоторой озабоченности. Я мгновенно оказался рядом, на ходу сосредоточиваясь на его мозжечке, чтобы лишить человека способности передвигаться. Он, как оказалось, был готов к такому повороту событий: у него была выставлена крепкая защита. Тем не менее он остановился, обернулся ко мне и улыбнулся:

– Я должен получить от вашего хозяина кое-что. – Он слегка поклонился Альфреду. – Господин Альфред, вы знаете, что должны мне передать.

Как я понял, он имел в виду ту самую информацию, о которой шла речь в ночном разговоре. Хотя, безусловно (мелькнуло у меня в голове), отчеты уместнее получать после выполнения работы, но не в ее процессе. Впрочем, хозяин, как говорится, барин.

Но я не собирался уступать инициативу чужаку; да и надо было показать, чего я стою как профессионал.

– Поставьте это на землю, пожалуйста. Сделайте шаг назад.

Он повиновался.

– Хозяин, этот человек вам известен?

Альфред покачал головой:

– Не встречал. Но...

Я не дал ему договорить: сейчас я был главным. И спросил у нового лица:

– Можете удостоверить свою личность?

Тот ответил, ничуть не смутившись:

– Только не вам. Сейчас я достану блокнот...

– Только очень медленно, – предупредил я и для убедительности потрянул дистантом, уже изготовленным к бою. Неизвестный кивнул. Медленно опустил руку в наружный карман, в котором (это я уже проверил) оружия не было. Вынул блокнот, раскрыл, отстучал на клавиатуре что-то – короткое слово или число, – закрыл и протянул мне:

– Передайте – только не раскрывайте.

Как же, так я его и послушал. Видали мы и не такие штуки. Я немедленно раскрыл – держа блокнот так, чтобы откинутая крышка не позволяла мне прочитать надпись. Ничего не произошло: ни взрыва, ни истечения газовой струи. Я протянул блокнот хозяину. Тот прочел написанное, не прикасаясь к приборчику. Кивнул:

– Все в порядке. Верните блокнот.

Я выполнил указание.

– Итак? – спросил почтальон.

Снова игра с блокнотом; только на сей раз он принадлежал хозяину. Кажется, ответ почтальону очень не понравился, но, покосившись на меня, он проявил свое неудовольствие лишь в тоне голоса:

– Вы отдаете себе отчет в последствиях? Я не уверен, что они захотят ждать до вечера, как вы предлагаете.

– Проводите нашего гостя до ворот, – вместо ответа распорядился Альфред, обращаясь ко мне.

Я так и сделал. Почтальон лишь пожал плечами. За воротами его ждал маленький скользун; почтальон сел за руль и умчался. А я вернулся к моему работодателю.

Откровенно говоря, я рассчитывал, что работа работой, но на лоне природы состоится и обед: время шло к тому. Однако дело ограничилось пирожками и кофе; да и то хозяин пробил чуть ли не целую шахту, переминаясь с ноги на ногу в ожидании нашего насыщения, так что, как говорится, и кусок в горло не лез. Наконец он не выдержал: наверное, в визите почтальона было что-то такое, что заставило Альфреда изменить планы. Он отдал какие-то приказания управляющему; насколько я расслышал, тому следовало, закончив уничтожение кустарника, подготовить освободившуюся землю и посадить или посеять на ней что-то другое. И решительно подошел к нам с Аргоном:

– Пора, пора! Совсем не осталось времени. Через полчаса у меня встреча в городе, я и так уже опаздываю!

Через назначенные Альфредом полчаса мы были не только в воздухе, но успели уже пролететь половину пути до столицы. Как бы ни спешил хозяин, летели мы спокойно и по правилам; я обычно не позволяю себе нарушать их: ни к чему мелкие неприятности, когда в жизни хватает серьезных. Поэтому, заняв свой эшелон и установив курс, я переключил управление на компилот и вернулся к своему основному делу: охране, тем самым сняв с Аргона сразу половину забот. Мы, оба телохранителя, просматривали и прослушивали окружающее пространство. С таким же успехом можно было сказать, что мы его прошупывали – потому что на самом деле и глаза, и уши выступали тут на третьих ролях. Но об этом, собственно, сказано уже достаточно. Добавлю только, что Аргон держал верхнюю полусферу, а я – нижнюю, так что моя нагрузка была значительно большей. Верх принято считать менее опасным направлением, потому что любое летательное средство можно заметить, услышать и оценить с куда большей легкостью, чем затаившегося в кустах или за оконной рамой стрелка. Я больше люблю следить за верхом, но на этот раз была моя очередь слушать землю. Этим я и занимался, ни на что не отвлекаясь, и (как сейчас помню) лишь мельком подумал, что хозяину не стоило бы так долго разговаривать по простой связи с кем-то в городе, хотя я и догадывался – кому это он мурлычет в микрофон. Я не преминул напомнить (это входило в мои обязанности):

– Хозяин, сильно подставляетесь. Мы открыты любому перехвату, и, значит, всякий, кто хочет нас обнаружить...

– Не лезьте не в свои дела! – ответил он голосом, жестким, как наждачный круг.

Ну, конечно, все это не мои дела – до момента, когда серия выпорхнет из ствола. А что таких стволов было немало, и все на изготовку, я после ночного разговора и визита почтальона нимало не сомневался. Предупреждение, сделанное ночью, вряд ли было просто угрозой. Скорее оно походило на протокол о намерениях.

Но сегодня, думал я, риск оставался еще в разумных пределах. Потому что они же договорились отложить переговоры на нынешний вечер, до которого было еще достаточно далеко.

И вроде бы я размышлял правильно. Внизу все было спокойно, ничто не вызывало тревоги, не ощущались никакие подозрительные силовые или психические поля, не было лишнего металла – тишь да гладь. Аргон же неожиданно доложил:

– Наверху заноза. Одна.

Это означало, что где-то в небесах он уловил источник опасности. Хотя небо оставалось совершенно чистым, да и приборы показывали, что никаких посторонних масс в радиусе километров двадцати не существовало. Я едва успел сообразить, чем эта заноза могла оказаться – просто сигналом из ближайшего, секундного будущего, легкое и естественное нарушение принципа необратимости движения времени по оси (благодаря таким нарушениям и может работать интуиция), или она уже имеет какие-то конкретные очертания, как Аргон добавил:

– Затрудняюсь опознать. Но похоже...

Он не успел высказать свою догадку. Но успел крикнуть:

– Пляши!

Но я уже и сам сообразил. Врубил зеркала. Взял управление. И тут же заложил крутой вираж с потерей высоты, чтобы быстрее выйти из поля зрения прицела.

Удалось. Выиграно не менее двух секунд. Луч рубанул по тому месту, где мы только что были. Я очень ясно представил, как, получив сигнал «Промых», сразу же включилась электро-ника поиска. И через секунду всей кожей почувствовал, что нас нашли. Крутнулся в обратную сторону. Земля ощутимо приблизилась. Альфред сзади что-то вопил – я не старался вслушиваться: ничего толкового он в таких условиях придумать не мог. Всегда сопровождавший Альфреда камердинер, до сих пор безмятежно дремавший на заднем левом сиденье, пробудился, но – дисциплинированный – не кричал, только икал – зато необычайно громко. Наверное, от страха. Мне сейчас бояться было некогда. Два промаха. Там, на спутнике, компьютер уже все

учел, включая скоростные и маневренные возможности нашего агралета, и в третий раз уж постарается не промазать.

– Призму! – крикнул я Аргону, одновременно переключая все свое внимание на поверхность земли под нами; то была опушка реденького соснячка, и вдоль нее проходила узкая дорога явно местного значения; жилья вблизи не наблюдалось, только между соснами мелькал скользун, почему-то не пользовавшийся дорогой. Может, его седоки подыскивали место для пикника.

– Призму же!..

Мог бы и не кричать. Напарник оценивал положение не хуже меня. И уже высунулся из верхнего люка. Я сманипулировал управлением и на секунду завис; этого времени Аргону должно было хватить. И хватило. Воздух над нами, повинувшись мощному выбросу энергии, осуществленному Аргоном, сгустился в трехгранную призму. Удерживать его в таком состоянии можно было лишь краткие мгновения, но этого оказалось достаточно: луч ударил, точно нацеленный в центр нашей кабины, вошел в призму, отклонился, и на выходе из нее отклонился вторично – и ушел далеко в сторону. Внизу, на земле, что-то вспыхнуло, взрывная волна, не очень сильная, слегка потряхнула нас – но это были уже пустяки. Используя время, нужное лазеру для новой накачки, я резко бросил машину вниз и чуть в сторону, чтобы не опуститься туда, где дымным пламенем горел невинно пострадавший скользун. Я мельком пожалел его экипаж – но я отвечал не за их безопасность. Я сработал антигравом в метре от земли, погасив таким способом большую часть вертикальной скорости; у всех прибавилось синяков – но это было наименьшим из зол.

– Под деревья! – скомандовал я, помогая неповоротливому Телу поскорее покинуть кабину. Других укрытий поблизости не было, да и деревья были не из лучших в такой ситуации: сосны; я предпочел бы развесистые дубы, но выбирать не приходилось. Я заставил Тело бежать с такой прытью, какой оно наверняка не показывало за последние лет тридцать, а то и больше. Альфред хрипел и стонал, но послушно размахивал ляжками, спотыкаясь даже реже, чем я ожидал. Инстинкт самосохранения все-таки – великое благо. Мы добежали до намеченной мною сосны, самой толстой из тех, к которым могли успеть. Угол, под которым нас обстреливали, был ясен, и мы укрылись за стволом с нужной стороны. Дерево, к которому бежали Аргон с камердинером, стояло на пару секунд дальше нашего. И этих двух секунд хватило для новой беды – четвертой по счету.

Лазер за это время успел перезарядиться и снова ударил лучом. Ударил по-прежнему по нашему агралету. Со зла – иначе я не мог объяснить этого: вряд ли можно было предполагать, что мы станем дожидаться в машине, пока нас достанут. Похоже, у компьютеров есть свои эмоции – или же они просто глупы, что лично мне кажется более вероятным. На этот раз никто не помешал расправе. Наш летун загорелся. К счастью, агралеты не используют химического топлива – иначе рвануло бы так, что осколки металла могли бы накрыть нас; но загорелся пластик, из которого машина в основном и состояла. В этом опасности для нас не было; но одновременно в пылавшем поодаль скользуне, где до сей поры горели только батареи, начались мелкие и частые взрывы; так рвутся патроны, попадая в пламя.

Аргон с камердинером на бегу решили, видимо, что взрывы начались в агралете, к которому они были куда ближе, чем к пострадавшему скользуну. Хотя моему напарнику следовало знать, что ничего такого мы с собою не везли. Наверное, инстинкт сработал быстрее рассудка; оба бегуна бросились на землю, стремясь, по-видимому, переждать разлет осколков и всего прочего. На сей раз инстинкт подвел.

Подвел – потому, что никаких осколков не было. Тем более – от агралета, горевшего медленно, трудно и без детонаций. Настоящая же опасность летела от пылавшего скользуна и с осколками имела мало общего.

Когда у нас в минуты безделья речь заходила о вариантах ожидавшего нас будущего, Аргон обычно заявлял, что с этим миром расстанется в преклонном возрасте и непременно от сердечного приступа, без всякого предварительного розыгрыша: раз – и нету, даже испугаться не успеешь. Не знаю, успел ли он испытать испуг на сей раз; но насчет сердечного приступа он был прав. Сердце его было взято приступом, мгновенной и сосредоточенной атакой той самой серии, о которой я уже наговорил тут достаточно много. «Паровозик» (калибр тринадцать, вес в снаряженном состоянии – двадцать один грамм, «вагончики» – калибр тот же, вес – тридцать три грамма, и в этой серии их было, как я потом убедился, пятнадцать) безошибочно нашел адресата и ударил близ левой лопатки в спину. В тот миг я ничем не мог помочь ему: толстый ствол матерой сосны, за которым съежились я и Тело, закрывал Аргона от моего взгляда, и я среагировал только на звук – давно знакомый и ни с чем не сравнимый, помесь сытого чавканья и хруста – с каким в нужную точку вцепился «паровозик», и сразу же за ним – убойные пули, пресловутые «вагончики», – кумулятивные, вспоровшие надежный, казалось бы, жилет, и разрывные, заставлявшие уже умершее тело вздрагивать, как бы в стремлении оторваться от так и не выручившей на этот раз земли и воспарить к горным высям. Камердинер лежал в двух шагах от трупа, как мне показалось, здоровенький и испуганный до полного расслабления. Но как только разрывы стихли, он вскочил и помчался, не разбирая дороги, неведомо куда – только чтобы оказаться подальше от страшного места. Я не стал отвлекаться на него: его судьба меня не интересовала, мне сейчас было не до общегуманистических телодвижений.

Совершенно ясно было: в подобной обстановке беда – в данном случае серия – не приходит одна: никто не стал бы организовывать таким образом уничтожение одного какого-то телохранителя; такое обычно бывает лишь предисловием. Теперь надо было ждать подобного же привета в мой адрес, а главное – в адрес охраняемого Тела, которое только и могло быть целью и смыслом всей затеи. Кто являлся ее автором, откуда он получил наши данные для настройки серий – было мне пока что совершенно неясно, но сейчас это и не имело никакого значения.

Спасти, уберечь Альфреда – вот что было сейчас моей главной задачей. Не потому, что я его любил: сейчас я этого чувства никак не испытывал. И не только по той причине, что я, нанимаясь, обещал ему мою верность. Не в этом было дело. А в том, что Альфред был напуган, очень напуган. Вероятно, ему давно уже не приходилось переживать такого приключения. А человек в состоянии крайнего испуга и вызванного им стресса совсем не владеет или очень плохо владеет собой. И потому это время – лучшее для того, чтобы задать ему парочку интересующих меня вопросов и получить на них искренние ответы. А для этого он был нужен мне, во всяком случае, живым. Но если ничего не делать, он вряд ли останется таким надолго.

Было просто удивительно, что после гибели Аргона последующие секунды не принесли с собой новых серий. Но поразмыслить о причинах этого можно будет и потом – сейчас следовало принять все возможные меры предосторожности, по принципу – лучше поздно, чем после смерти.

Я так и сделал. Тело все еще восседало за деревом на корточках, уткнув голову в колени и закрывая затылок сцепленными кистями рук. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться: Альфред сейчас не вскочит и не побежит, он будет ждать команды: за время службы у него моим коллегам удалось-таки вдолбить ему в голову, что в критических ситуациях ему лучше не думать самостоятельно – на то у него и были мы. Так что на несколько секунд вполне можно было покинуть его. Что я и сделал. И направился к уже догоравшему скользуну, который мне больше не хотелось считать невинно пострадавшим: он был единственным возможным источником выпущенной серии. Значит, другие, еще не выпорхнувшие, могли помещаться только в нем. Найти и обезвредить – с таким намерением я осторожно приближался к обгоревшей конструкции.

Шел на цыпочках, зная, что, быть может, даже легкое сотрясение способно пробудить к жизни очередной «паровозик», и всю его свиту тоже. Направлялся я не прямо к скользуну:

обходил, чтобы подойти, так сказать, с тыла и не оказаться в тех девяноста градусах, в которых «паровозик» способен отыскать цель, если уж получит свободу действий.

Нельзя сказать, что пожар уже потух: еще горел движок, лиловый под солнцем дым лениво поднимался, рассеиваясь, подобно мечтам о спокойной, тихой жизни. Внутри тлела обивка. Но я надеялся, что все, что могло взорваться, уже взорвалось, и особого риска для меня сейчас нет.

Подойдя вплотную, прикрывая рот и ноздри платком – не люблю запаха горелого, особенно плоти, а здесь без нее никак не обошлось – я стал осторожно обходить скользун: взгляд под ноги – сразу же вперед и по сторонам – шаг; и снова – взгляд под ноги... Скользун, предназначенный для убийц, мог, кроме стрелкового оружия, нести в себе мало ли еще что, так что наступать на что-либо, кроме пепла от сухой хвои, лежавшей на земле тонким слоем, словно масло на сиротском бутерброде, не следовало. Пепел легко похрустывал под ногами, никаких посторонних предметов не было – видимо, все сгорело там. Кроме лишь того, на что наткнулся мой взгляд после очередного шага, когда я описал уже дугу румбов примерно в двадцать пять.

Еще недавно это было человеком, теперь же скорее – огарком человека, искать в котором признаки жизни можно было бы с таким же успехом, как охотиться на китов в своей квартирной ванне. Нижняя часть трупа находилась в салоне, и уже трудно было отличить, где зола плоти переходила в золу сиденья; воистину, человек – одно целое с остальной природой, но почему-то это яснее всего понимаешь, глядя на его пепел.

Верхняя же часть туловища обгорела далеко не столь значительно, потому что свисала наружу из окошка, чье стекло было опущено. Видимо, дверцу – наверное, и остальные тоже – заклинило, когда – в мгновение лучевого удара – рвануло силовую батарею. Но только один человек – вот этот – попытался выбраться и успел протиснуться почти до пояса. Какой-то секунды ему не хватило, чтобы спастись.

Хотя – похоже, спасение не было его главной целью. Потому что, вылезая, он не просто вытянул вперед руки; они все еще сжимали сериал, и мертвый палец лежал на спусковом крючке. Свои руки я заложил за спину, чтобы они не сделали вдруг какого-нибудь рефлекторного, бессознательного движения; оно могло бы оказаться как нельзя менее кстати: еще даже не наклоняясь, я увидел, что спусковой крючок сошел с обычной позиции; палец нажимал на него, и может быть, какой-то доли миллиметра не хватало, чтобы курок сорвался с боевого взвода и вторая серия пошла гулять по свету.

Интересным показалось и само оружие: что-то в нем было не таким, как в тех образцах, к которым я привык и которыми владел. Не сразу удалось понять: вместо одного прицела у него было два, причем оптико-электронный искатель второго был размещен крайне неудобно для стрелка; видимо, он предназначался не для глаза. Что-то подобное я видел? Нет; слышал, вот как. Слышал, но не помню. Да сейчас и некогда вспоминать.

Это я увидел и подумал прежде всего; потом уже мельком глянул на узкую спину в облегавшем жакете, на длинные, свесившиеся волосы, закрывавшие все лицо и плечи, так что казалось, что руки, стиснувшие сериал – тонкие, изящные, – росли прямо из этой массы волос, совершенно не тронутых пламенем. Трудно было представить, что человек мог, не пытаясь прежде всего выбраться из пламени самому, пренебречь своим спасением ради того, чтобы выстрелить; тем более что это была женщина. Однако, так оно, похоже, и случилось. Хотя могло, конечно, быть и иначе: ногам что-то помешало, женщина, высунувшись наполовину, от боли потеряла сознание – и выстрел был сделан уже без ее участия. Да какая, в конце концов, разница: Аргона эти размышления все равно не воскресят.

Куда интереснее было другое.

Сперва мне показалось, что этот жакет я уже видел – не так давно. Нет, только не на Кларе; у нее был другой вкус. Я его видел на... на... да нет, не может быть!

Я опустил на четвереньки, чтобы заглянуть покойнице в лицо. Да, оказалось, что это все-таки могло быть.

То была женщина, две недели тому назад навещавшая меня в моем жилище и упорно добивавшаяся встречи с Веригой. За кем же она охотилась на сей раз? За мной? За Альфредом? Или за нами обоими?

Конечно, над этим имело смысл пораздумать – но не теперь, а на покое, за бутылкой пива. А сейчас некогда было разглядывать до костей обгоревшие тела в тесной кабине скользуна. Приключение наше еще не кончилось.

Я поднял голову. Охраняемое Тело отсюда не просматривалось, все еще укрываясь за деревом. Или успело удрать? Я хотел было его окликнуть, но в последний миг удержался: как знать – даже легкое сотрясение воздуха могло помочь спусковому крючку сериала завершить свой путь. Да и куда генерал-озеленитель сейчас рискнул бы уйти? Моя же первая задача была – обезвредить оружие в наших с Альфредом общих интересах.

Решив так, я невольно усмехнулся. Задача поставлена верно, только нет пока еще никакого представления о том, как же ее выполнить, оставаясь в пределах допустимого риска.

Самым естественным казалось – оставить все как есть и, как говорится, взять ноги в руки – вместе с охраняемым Телом убраться отсюда подобра-поздорову, выйти на дорогу, остановить первую же коляску или скользун и ехать – в любом направлении, лишь бы поскорее выйти из зоны угрозы. Вроде бы это – самый разумный выход.

Но только на первый взгляд. А если подумать хоть немного...

Мы ведь находились не в космосе и даже не в пустыне, а в достаточно густо населенном месте. Географически – даже в пригороде Столицы. А это значило, что пройдет несколько минут – и тут непременно возникнут сперва случайные любопытствующие, а вслед за ними и стражи порядка: даже если никто их не вызовет, в ближайшем участке аппаратура наверняка уже отметила чрезвычайное происшествие. Первые, может быть, и удержатся от активного вмешательства в ситуацию: в конце концов, населению вдолбили в сознание, что на месте происшествия хватать руками нельзя ничего до приезда представителей власти. Но – за исключением случаев, когда необходимо срочно оказать помощь пострадавшим. Один пострадавший будет налицо, и на нем вовсе не написано, что это всего лишь труп: на первый взгляд женщина могла показаться просто потерявшей сознание. Ее попытаются вытащить, и кто-то обязательно постарается вынуть из рук оружие. Для этого надо будет снять мертвый палец со спуска. Одно микродвижение – и выстрел. Серия вылетит. Но никто не гарантирует, что мы с Телом к тому времени окажемся уже за пределами километровой зоны. И кому-то из нас крупно не повезет. Теперь я уже понимал, что скорее всего вторая серия в объемистом магазине сериала предназначалась мне, Телу же – третья, финальная. Третья то ли еще вылетит, то ли нет; генерал-директора это соображение обрадовало бы, а вот меня – никак. Заботиться о своей сохранности – при условии выполнения служебного долга – за многие годы как-то вошло у меня в привычку.

Хорошо; выходит, что нужно тут дожидаться первых прибежавших и популярно объяснить им, что в машине все погибли и трогать руками их ни к чему. А еще лучше – встретить наряд и объяснить, что и как. Однако что же получится? Надо будет предъявить им и труп Аргона, и живое Тело, и давать какие-то объяснения. У меня они могли быть лишь самыми общими; гвардия порядка нас – телохранителей – недолюбливает по очень старой традиции. Альфред же с ними разговаривать вообще не станет. Разобравшись, они доставят его домой, а меня – в их хозяйство, чтобы, как это называется, снять показания. Пока меня будут там мурыжить, Тело останется, по сути дела, без профессиональной обороны, так что неизвестно, доедет ли он вообще до дома, позволят ли ему вызвать оттуда новую смену. А в моей присяге ни полсловом не говорилось о том, что какие-то внешние помехи могут освободить меня от выполнения главной задачи; нарушителей же присяги в Союзе Телохранителей очень не любят: каждый

такой случай больно бьет по репутации всего клана, спрос и расценки моментально падают. А ведь мы – не единственная такая организация, кроме нас, существует еще и Лига Охраны, и ассоциация «Надежность», и еще с полдюжины других. Конкуренты. Так что я никак не могу позволить, чтобы меня отделили от Тела – если только оно само первым не объявит о приостановке или даже аннулировании нашего контракта. Такое право у него было. Но я не собирался напоминать ему об этом.

Так что оставаться было желательно – но опасно. Убегать сразу же – тоже желательно и тоже опасно. А ведь были и другие проблемы. Тело Аргона; как-то не хотелось бросать его на произвол судьбы, хотя ни мы ему, ни он нам помочь более ничем не могли. Зарыть его здесь же? Во-первых, нужно время; во-вторых – обнаружат его очень быстро, и тогда на меня можно навесить – с полными основаниями – укрывательство вещественных доказательств (труп всегда является таким доказательством) и попытку помешать следствию. Мне это было совершенно ни к чему, и не только потому, что вело к тому же самому разобщению с Альфредом.

И еще проблема: кто же, из многих возможных, организовал нам это развлечение?

Выяснить источник наших приключений казалось мне важным: и для того, чтобы соответственно отреагировать – если пожелает наниматель, конечно; и для того, чтобы знать, в каком направлении организовывать дополнительную подстраховку: начав однажды операцию, ее обычно в случае осечки не отменяют, но стараются довести до конца; а с первой, десятой или сотой попытки – не имеет значения.

... Не надо думать, что я оценивал все эти соображения, стоя около догоравшего скользуну и глубокомысленно ковыряя пальцем в носу. Думал я на ходу, и за те секунды, когда все эти мысли на хорошей скорости пролетали через мое сознание, успел сделать не так уж мало.

Проявив недюжинные способности к мародерству, я обобрал мертвого Аргона, очистил его карманы от документов и запасных магазинов, а обе кобуры – от оружия: из одной извлек мини-сериял (калибр одиннадцать, в магазине три серии по пять «вагонов»), из второй – лазерный дистант, тоже мини: дальность – пятьдесят метров, луч на пределе два миллиметра, температура тысяча восемьсот Цельсия, сила удара – два килограмма. Слабенькая вещичка, но именно с нею я связывал сейчас мои расчеты. В моей собственной второй кобуре обитал более мощный дистант, но его я собирался использовать попозже, сериял же мой был точно таким, как у Аргона; поэтому оружие напарника я отнес Телу – на всякий пожарный.

Тело уже пришло в себя и, завидев меня, обратилось ко мне привычно-недовольным тоном:

– Изволили пожаловать, наконец. Мы что – здесь ночуем? Или, может быть, соблаговолите объяснить, чего мы ждем? Новых убийц?

Не было времени объяснять ему, что вторая атака так сразу не последует: противнику сперва надо будет разобраться в причинах неудачи, а потом – выбрать новый вариант из достаточно широкого преysкуранта, учитывая, что два раза на одни грабли наступать не следует. Я сказал лишь:

– Еще минуту. Необходима зачистка, и я сделаю ее как можно быстрее. Будьте любезны потерпеть. Кстати: кто это вас приветствовал сегодня – имеете представление?

Говоря это, я попробовал углубиться в его психику. Но там все еще господствовал страх, подавлявший все остальное. Я не увидел ничего, что помогло бы мне продвинуться ближе к решению задачи. Да ладно – сейчас закончу здесь, тогда примусь и за него.

– Не знаю, – пробормотало Тело, вряд ли четко сознавая, о чем его спросили. – Давайте, работайте побыстрее!

– А что же я, по-вашему, делаю? Со своей стороны попрошу вас оставаться на месте и быть настороже. Если появятся люди – немедленно окликните меня. Вот вам оружие, но стрелять следует лишь в самом крайнем случае.

– Я и не собираюсь – для этого я плачу вам, – проворчал он. Но, похоже, моя серьезность и вся убедительность, какую я постарался вложить в свои слова, подействовали на него, и ругаться он не стал. Сказал лишь:

– Я оставил в кабине мой кейс. Прежде всего принесите его, потом занимайтесь остальным. Слышите? Немедленно!

– Если только он не успел сгореть, – предупредил я.

– Он несгораем, с термоизоляцией. И не вздумайте открывать! Это будет вашим последним движением, понятно?

Я и без его указаний собирался сейчас заняться нашим транспортом. Подходя к нему, лишь покосился в сторону скользуна; там ничто вроде бы не изменилось. Агралет по-прежнему стоял, сильно накренившись вправо: амортизаторы правой лыжи не выдержали перегрузки при слишком быстрой посадке. Дверца так и осталась распахнутой. Пахло холодным дымом, но выгорело, как я увидел, не так уж много: в машине была неплохая противопожарная система, после нашего бегства она сработала, пластик же корпуса более плавился, чем горел, если не было активной поддержки других, более горючих материалов, а здесь их явно не доставало. Конечно, и эту машину можно сжечь дотла; но сперва необходимо ее как следует к этому подготовить.

Таинственный бронекейс я нашел без труда. Меня несколько удивило: как Тело могло оставить эту штуку в кабине, если она обладала для него такой ценностью? Но, разобравшись, я понял: в момент ударной посадки кейс, достаточно увесистый, сорвался с сиденья и соскользнул в щель между сиденьем и бортом агралета; в следующий миг сиденье сдвинулось и кейс оказался зажатым, так что потребовалось время, чтобы вытащить его, да и рычаг тоже: мне рычагом послужил накидной ключ двадцать семь на длинном стержне, но и его тоже я извлек на свет божий не сразу. Ничего удивительного, что в той нервной обстановке мой наниматель предпочел в первую очередь спастись самому, полагая, что покойнику документация ни к чему, даже самая сверхконфиденциальная.

Вытащив кейс – на это ушло не менее трех минут, и я затылком и солнечным сплетением явственно ощущал, как таял запас времени, который у нас был, – я отнес его в сторонку и аккуратно положил на травку: не хотелось тратить минуту на то, чтобы нести его хозяину, который, чего доброго, еще захочет при мне проверить, все ли там в порядке. Ничего, получит пятью минутами позже, не помрет. Так я подумал в тот миг; каюсь – это было неуместным проявлением легкомыслия с моей стороны. Хотя вряд ли что-нибудь изменилось бы, поступи я тогда иначе.

Время уходило, а у меня оставалась еще целая куча дел. В других условиях я охотно бы оставил их на усмотрение деятелей правопорядка, представителей законной власти. Но на сей раз такой выход не годился: возможно, как раз законная власть сейчас за нами и охотилась, так что главной задачей было вовсе не помочь ей в расследовании, которым она заниматься все равно не станет, а наоборот: запутать все в как можно более плотный клубок. На это я и хотел израсходовать немногие остававшиеся еще в нашем распоряжении минуты: я ощущал, что наши доброжелатели уже поспешали сюда, чтобы довести операцию до конца, а вступать с ними в огневые, да и в какие угодно другие контакты я никак не хотел все по той же причине: мой наниматель, если останется в живых, выкрутится, а я – нет; если же они не намерены выпускать нас теплыми – тем больше было оснований не встречаться с ними.

Пока я возился в кабине агралета, у меня сложился наконец четкий план дальнейших действий. Оставалось лишь его выполнить по всем пунктам. И я немедленно приступил к первому из них.

Он заключался в том, чтобы обезопасить наконец проклятый сериал, который мертвая дамочка до сих пор сжимала так, словно он был самой большой драгоценностью в ее жизни. И сделать это без риска, что оружие в последнее мгновение все-таки сработает.

Для этого мне и потребовался дистант Аргона с его ограниченной мощностью. Я остановился в пяти шагах от машины, выбрал такую позицию, чтобы и сериал, и его спусковая скоба, и палец в ней, все еще удерживавший спуск на грани выстрела, виднелись под самым выгодным углом. Поставил дистант на импульсный режим. Прицелился не торопясь, как если бы у меня была вечность в запасе. На несколько мгновений расслабился, успокоил дыхание, потом сразу – рывком – собрался, превратившись на какие-то секунды в каменное изваяние, и нежным прикосновением пальца к клавише замкнул контакты.

В оптику мне было прекрасно видно, как тонкий фиолетовый луч ударил туда, куда и нужно было: в самый корень указательного пальца женщины (хотя у медиков это наверняка имеет какое-нибудь научное название, но мне оно не известно). Дымок тонкой змейкой, извиваясь, пополз к далекому небу. Наверное, запах гари, и так царивший вокруг, еще усилился – не знаю, я все еще задерживал дыхание, благодаря чему луч оставался неподвижным, как туго натянутая проволока. Затем импульс закончился, и я перевел дыхание. Палец на спуске сериала был уже отрезан до половины. Еще один импульс – и дело будет сделано. При этом я был уверен, что сериал явно не успел нагреться ни на градус, а работай я моим, мощным дистантом, этого было бы не избежать – и мало ли к чему такой нагрев мог бы привести.

Я прицелился. Дал импульс. И почти одновременно услышал за спиной знакомый до противности голос, исходивший от Тела:

– Где же мой кейс? Да чем вы там заняты?!

Может быть, надо было рывкнуть ему, чтобы вернулся за дерево для верности; но ни крикнуть, ни просто махнуть рукой я не мог: шел импульс, и единственное, что от меня сейчас требовалось, это – стоять недвижимо, изображая памятник Неизвестному Телохранителю, Выполняющему Свой Долг. Он же меня более не окликал – только хрюкнул что-то под нос – видимо, узрел наконец свою драгоценность, и я услышал, как он побежал к ней, тяжело топая. Идиот, подумал я, не приведи судьба – сейчас что-нибудь случится, дрогнет, скажем, у меня рука – луч дистанта скользнет, пусть даже вскользь заденет спусковой крючок – механизм сработает, и Тело станет трупом – обычным, с маленькой буквы.

Подумал – и накликал. Словно бы был совсем еще несмышленищем, не усвоившим простейшей истины, что всякая мысль тянет за собой реальное событие.

Нет, рука не дрогнула и импульс завершил свою работу. Отрезанный палец отвалился, и спусковой крючок с едва уловимым щелчком вернулся на место.

И тут-то случилась беда – очередная для меня, но последняя для моего нанимателя.

И в самом деле, я о такой конструкции сериала только слышал, самому держать ее в руках ни разу не приходилось. Внешне (в этом я разобрался потом уже, задним числом) новый сериал ничем, кроме второго прицела, практически не отличался от старого, на деле же разница была еще и в спусковом механизме. Привычные модели работали так же, как и другое стрелковое оружие: нажал на спуск – выстрел или очередь, или импульс – в зависимости от того, что вы выбрали; отпустил палец – стоп. Новый же механизм работал, как маятник: нажал – пошла серия, отпустил – вторая. Такое усовершенствование помогало обоим стволам работать, по сути, без перерыва, пока остается серия хотя бы в одном магазине из всего веера. Для того же, чтобы прервать стрельбу, достаточно было, очередной раз нажав, не доводить движения до конца; после этого прикосновением большого пальца можно было поставить сериал на предохранитель.

Знай я это раньше – понял бы, что женщина-стрелок именно в этом положении удержала спуск, но жизни ее не хватило, чтобы сдвинуть предохранитель. И теперь палец, отсеченный лучом, перестал удерживать спуск, тот вернулся в исходное положение – новая серия выплеснулась и пошла гулять по белу свету.

Против ожидания, она оказалась не моей.

Уже потом, разбираясь в случившемся и исследуя новое для меня оружие, я понял, в чем заключался секрет: во втором прицеле. На самом деле он являлся идентификатором цели. В зависимости от того, кто попадал на мушку первым, он выбирал из веера ту серию, которая была предназначена именно для этого человека; в случае же, если огонь велся по цели, заранее не заказанной, это устройство не срабатывало и сериал выплевывал немаркированные «поезда». На сей раз первым в поле зрения идентификатора оказалось Тело.

Как я уже говорил, я не забыл навести поля, свое и Тела, на стволы ближайших сосен. Так что все могло бы еще и обойтись. И обошлось бы – если бы этот идиот – вы догадались, кого я имею в виду, хотя и говорят, что покойников следует поминать или добром, или сказать «пас», – не находился в этот миг в прямой видимости. Но он был как на ладони. И я сначала просто почувствовал, как «паровозик», вылетев из ствола, сразу же плавно свернул к помеченной сосне, таща за собою всю серию, но через несколько наносекунд остановился – завис в воздухе (это был тот нечастый случай, когда на исчезающе малый миг удастся увидеть пули – весь караван – простым глазом); и тут же начал другой вираж – в противоположную сторону. Туда, где в эту секунду мой наниматель, опустившись на колени, внимательно оглядывал свой кейс, проверяя, наверное, его целостность и сохранность. Я не успел и рта раскрыть, чтобы крикнуть ему «Падай, дурак», хотя и понимал, что это уже не спасет его, ничто больше не спасет. Тем более что он – пижон несчастный! – еще под деревом освободился от бронежилета, считая, наверное, что опасность миновала; было, правда, достаточно жарко, так что понять его можно было, простить же – но эта функция в отношении Тела теперь уже целиком и полностью перешла к Создателю.

Подойдя, я нагнулся и, проформы ради, нащупал артерию – в том месте, где у живых прослушивается пульс. Тут его и в помине не было. Недолго музыка играла. Занавес. С приветом от безработного. От человека, так и не успевшего задать свои вопросы. И две недели потерявшего зря.

Несколько секунд я постоял в неподвижности, устанавливая дыхание и задним числом радуясь тому, что подошел к останкам скользуна с правильной стороны. Однако моя серия, надо полагать, стояла теперь на очереди, так что – никакой небрежности в обращении с трофеем!

Хорошо. Игра закончилась; но работа – нет еще.

Потому что тонкие тела убитого должны были находиться сейчас тут, рядом; они еще просто не успели никуда уйти. И с ними можно и нужно было побеседовать – пока это еще было в моих силах.

Я быстро вошел в транс, сознавая, что времени в моем распоряжении почти не было: минута-другая, не более.

Его тела действительно обнаружились вблизи. Но они оказались неожиданно слабыми, едва различимыми. Как будто кто-то извне подавлял их и старался поскорее увести отсюда. Кто-то сильный, даже более сильный, похоже, чем я. Попытка окружить астральное тело Альфреда защитным полем не удалась. Несколько раз окликнул – бесполезно, он даже не обратил на меня никакого внимания.

Пришлось выйти из транса, не добившись никакого результата.

Однако я не считал себя проигравшим.

Нет – потому что противники хотя и выиграли расклад, фишки им еще не достались. Нетрудно было предположить: хотя бы часть их находится в пресловутом кейсе. Документы могли и не иметь никакого отношения к уракаре – но что-то ведь они да значили, а мне сейчас не следовало пренебрегать ни одной мелочью.

Надо было продолжить зачистку местности, чтобы те, кто будет здесь разбираться, смогли понять как можно меньше. Я приволок Тело (теперь уже труп номер два) к агралету и кое-как втащил его в кабину. Затем, продолжая играть роль похоронной команды, так же поступил и

с номером первым, с Аргоном. Полюбовался на них секунду; они лежали в трогательной близости, при их жизни такое было бы просто невозможно. Еще раз внимательно оглядел кабину – не забыто ли что-нибудь, что могло бы мне пригодиться. Не обнаружил. Все, что было в карманах Тела, я еще перед тем присоединил к документам Аргона – так, на всякий случай. Секунду-другую послушал окрестное пространство. Преследователи были уже совсем близко. Пришла пора все заканчивать.

Я поднял заднее сиденье; внизу, как и ожидалось, лежали в зажимах два кислородных баллончика – они всегда там лежали, как и всякие другие вещи: жилеты для гостей, два парашюта и пара аквалангов. Мало ли в какие ситуации забрасывает судьба... Сейчас все это было мне не нужно. Я открыл вентиль одного баллона, второй взял с собой и без задержки вылез. Отошел на безопасное расстояние. Вытащил второй дистант – мой собственный. И ударил навскидку по агралету.

Как уже говорилось, он не из самых горючих машин; но температура, какую на небольшом расстоянии выдает мой дистант, заставляет гореть и камни, особенно в присутствии свободного кислорода. Через несколько секунд дым стоял не то что коромыслом, но целой водонапорной башней. Для этого пришлось израсходовать половину заряда. Хорошо.

Я вернулся к машине. Перед тем как высвободить сериал из мертвых рук, взглядом отыскал предохранитель и мизинцем, не дыша, поставил его на место. Теперь оружие можно было взять без опаски; так я и поступил. Преодолевая некоторое внутреннее сопротивление, приподнял за плечи труп женщины-киллера и обнаружил, что карманов на ее одежде не имелось, лишь на поясе был прицеплен телефон. Его я изъясил. Что же касается сумочки этой дамы – она наверняка сгорела. Да все равно – на операцию документов не берут, а из какого она лагеря – мне, я полагал, было известно. Так что – аминь.

Я открыл вентиль второго баллона и запихнул его в скользун, втиснул в окошко мимо дамы. Отошел и израсходовал весь остаток заряда в моем дистанте. Черный дым хлынул вверх, закручиваясь штопором. При желании можно было вообразить, что это души сгоревших – хотя их маршрут лежал, подумалось мне, в противоположном направлении.

Все. Здесь делать было больше нечего. Следовало позаботиться о собственном здоровье. А оно сохранится тем больше, чем дальше отсюда я окажусь в ближайшие же минуты.

Кейс. Тащить трофей с собой означало увеличить риск в несколько раз. Он был чертовски тяжел из-за броневого защиты и теплоизолятора, а рассчитывать в ближайшие часы я мог только на свои силы; было и другое соображение: если остатки кейса будут обнаружены вместе с прочими обломками, то заинтересованные лица, может быть, поверят, что содержимое его просто сгорело, и искать больше не стоит. Для меня это имело бы немалый смысл.

Значит, надо было вскрыть сундучок здесь. Со всеми предосторожностями, чтобы ложным движением не уничтожить ни содержимого, ни самого себя. И сделать это быстро: подсознание подсказывало, что времени в моем распоряжении – всего ничего. Я просто чувствовал всем телом, что заинтересованные лица приближаются, и даже легкая дрожь пробежала по коже от этого ощущения.

Несколько секунд пришлось потратить, чтобы привести нервы в рабочее состояние. Потом я уселся на травку, расстелил перед собой свою куртку (синтетика; изолятор, иными словами), положил на куртку кейс и какие-то мгновения внимательно смотрел на него. Потом закрыл глаза и попытался заглянуть внутрь при помощи, разумеется, третьего глаза.

Разобрался я не сразу: подрывное устройство было основательно заэкранировано – как я понял, то была защита от просвечивания. Но третий глаз посильнее рентгена, и в конце концов я увидел достаточно, чтобы убедиться в том, что вскрывать кейс при помощи лазерного луча не стоит: рванет. Оставались лишь механические решения. Напрягаясь, я все-таки нашел реле защиты от механического взлома. Конструкция оказалась не слишком замысловатой, но требовала определенного уважения и деликатности в обращении. Искать подходящие инстру-

менты в лихо горящем агралете – лишняя потеря времени, а цена каждой минуты сейчас возрастала, словно акции компьютерной компании. Приходилось обходиться тем, что было всегда со мной: собственными талантами. Я наклонился, почти утыкаясь носом в холодную крышку, отделанную под черепаховый панцирь. Сконцентрировал внимание на одном из проводков – на красном, для ясности. Разглядел пружинный контакт, при помощи которого провод был подключен к детонатору. Нет, вытащить его телекинетическим способом будет затруднительно. Надо идти с противоположного конца. От батарейки. Какой контакт там? Там пайка. А поднимать температуру слишком опасно. Черт, что же тут вообще можно сделать?

Уже постукивало в затылке – безошибочный показатель угрозы: уровень опасности приближался к критическому. Плюнуть на все и взять кейс с собой? Но это делать было теперь уже никак нельзя. Потому что среди прочих прелестей я разглядел и небольшое – с наперсток – радиоустройство, в просторечии издавна именуемое «жучком». Оно питалось от той же батарейки и исправно слало сигнал в эфир; желающим оставалось лишь запеленговать его. Вот тебе и причина, по которой нас так точно накрыли, эта мыслишка промелькнула как-то бочком, бочком: сейчас она уже не была важной. Что предпринять? Ну! Думай, не зря же тебя этому и учили: думать...

Кололо в висках. Во рту было, как в пустыне Гоби в засушливый год. В сознании вереницей скользили варианты, наскоро оцениваемые и тут же бракуемые. Они были неплохи, но все требовали одного и того же: времени. Как раз того, над чем я не властен. Я отвергал их, требуя от себя самого все новых и новых. Знал, что если не дрогнуть, не испугаться, не размагнититься в самый критический миг – нужное решение придет. Уже сейчас оно наверняка вырабатывается в подсознании.

Выход нашелся – именно в то мгновение, когда я готов уже был разочароваться в своей звезде. Решение было таким простым, что в первую секунду я в него не поверил. Принялся проверять. Нет, все было вроде бы правильно. И риск получался – в пределах допустимого.

Собственно, эта мысль и раньше мелькала: замкнуть батарейку накоротко и тем истощить ее в считанные секунды, после чего она уже не в силах окажется дать нужный ток на детонатор. Но тогда я идею отверг: при замыкании температура внутри кейса хоть ненамного, но повысится – а кто знает, как на это отзовется подрывная штука, снабженная для подстраховки еще и тепловым реле – надо полагать, достаточно чутким. Слишком уж близко от него находилось место, где устроить замыкание было проще всего. А вот «жучок» стоял в противоположном углу кейса, и к тому же был упрятан в толщу теплоизолятора, чтобы владелец кейса ненароком не увидел предателя. Значит, если учинить замыкание на входе «жучка» – тепло до термореле не дойдет: энергия-то на самом деле выделится достаточно малая. Просто, как бутерброд. И все, что требуется – это затрата моей собственной мощности, потребной для того, чтобы ионизировать воздух в очень небольшом объеме, и тем вызвать разряд. Работы на несколько секунд, не более.

Остальное было, как говорится, делом техники. Своей макушкой я четко ощущал, как тает заряд батарейки: он и был-то достаточно небольшим, хотя последствия мог вызвать очень неприятные. Заряд утекал, как вино из треснувшей бутылки. Кончиками пальцев я прикасался к стенке кейса там, где было ближе всего к «жучку». Мои пальцы хорошо ощущают изменения температуры, но на этот раз они практически ничего не почувствовали.

В эти несколько секунд я успел объявить себе выговор. За недопустимую в нашем деле халатность и непредусмотрительность. Надо было подумать о кейсе раньше, когда можно было еще воспользоваться Телом, пусть уже и неживым: его пальцами и глазами, на которые и был настроен запирающий механизм. А когда я спохватился, все, надо полагать, сгорело. За это я, правда, понес наказание: три минуты страха и неуверенности в себе. Теперь это было уже позади.

Поскольку опасность подрыва будто бы миновала, можно стало вскрыть кейс механическим способом – остерегаясь, правда, сильных ударов. Две минуты. Крышка откинулась. Что где находится – я успел определить еще раньше. Теперь увидел содержимое сундука воочию. Ничто не привлекло моего внимания хотя бы как сувенир, который можно прихватить на память. Ничего – кроме футлярчика, в котором оказалась одна кристелла с записью. Крышка футляра была перечеркнута красным косым крестом; то был хорошо известный знак защиты записей – предупреждение о том, что не следует пытаться прочесть файл, не зная кода: текст в следующее же мгновение сотрется, сгорит, уничтожится начисто. Но я и не собирался заниматься кристеллами сейчас: ни этой, из кейса, ни той, которую я так и не отослал по адресу. Это все потом. Пока же я только отметил в памяти, что обе кристеллы были армагского происхождения. На Теллусе мы предпочитаем пользоваться собственной продукцией. Ладно, и с этим разберемся.

Я уже всем телом чувствовал: жизнь моя с каждым мигом все более уподобляется слезе, трепещущей на реснице Аллаха. Ощущал направление, откуда надвигалась гроза. Спрятав футляр с кристеллами в самый хитрый карман моего наряда, встал. Уже испытывая накачивавшую головную боль (наведенную, конечно: на всякий случай противник принимал все меры для ослабления возможной контратаки), все-таки нашел силы, чтобы построить в воздухе две линзы. Всего на несколько секунд. Их хватило, чтобы увидеть агралет, который без линз казался простой точкой над горизонтом. Увиденное мне не понравилось. То была не полицейская машина и даже не военная. То было устройство, с которым мне меньше всего хотелось бы встретиться: техника службы ДДД – Десанта Дальнего Действия, наилучшим образом оснащенное летсредство под романтическим названием «Дикий слон», имевшее, правда, и несколько ироническую кличку «Контрабас» – то ли из-за формы, действительно смахивавшей на названный инструмент, то ли из-за басовитого гудения, какое издавали его маршевые двигатели на полной мощности. Я был уверен, что с его борта я был виден куда лучше, чем они – отсюда: им-то не приходилось формировать линзы из воздуха, у них были прекрасные приборы. На защищенной кристелле – да и на второй тоже – наверняка было записано что-то очень и очень серьезное. И за этой записью охотились сразу две стороны; представителем одной была сгоревшая женщина, красивое существо с ледяными глазами, а что касается второй – я не составил еще о ней твердого мнения, но похоже, что у нее были неплохие связи не с нашими службами. Иными словами, вторая сторона скорее принадлежала даже не к власти «Т», как я было подумал, но, так сказать, плавала под чьим-то чужим флагом. Иначе нас не стали бы расстреливать со спутника: это не самый дешевый способ, да и не самый надежный.

Брать ноги в руки, решил я. Но сначала подстрахуемся, насколько это сейчас возможно.

Низкое облачко – это было все, на что меня сейчас хватило. Я был пуст, как проколота шина. Но все же оно хоть на минуту-другую закроет меня от горних наблюдателей. От всей их оптики.

Я дождался, пока облачко оказалось между мною и охотниками. И кинулся перебежками, от дерева к дереву, дополнительно укрываясь от наблюдения сверху, в направлении дороги.

Видимо, кто-то действительно хранил меня от лишних напастей: на дороге – еще далеко – я завидел нечто, могущее мне сейчас пригодиться. Коляску: автобус местного значения.

Хорошо еще, что до сих пор не сбежались любопытные – те, кто охотно показал бы, куда ты направился и чем воспользовался.

Я глянул на часы. С мгновения нашей посадки прошло шестнадцать минут. Нет, ничего удивительного, что не собрались люди. В этих местах они тяжелы на подъем. Да и в наше время инстинкт самосохранения чаще преобладает над любопытством, чем наоборот.

Сделал быстрый расчет времени. Еще с полминуты оставалось в моем распоряжении. Эти секунды я использовал для наблюдения, сформировав линзу. Я смотрел туда, где совсем недавно находился я сам.

Мощная машина успела приземлиться. Из нее выскочили люди – я насчитал пятерых – и, не теряя ни секунды, принялись тушить огонь, в котором медленно погибал наш агрик. Ударили пенные фонтаны.

Прилетевшие не могли не видеть, что живых там не осталось. Но вряд ли им нужны были люди; я был уверен, что они стремятся спасти ту самую запись, что находилась сейчас у меня.

Они еще не начали методически просматривать окрестности. Но вот-вот начнут. Все. Мое время истекло.

Я повернулся и побежал.

Я бежал, как сонная улитка. Но все же мой курс должен был пересечься с дорогой как раз в то время, когда автобус окажется поблизости. Потому что он двигался лишь немногим быстрее моего.

Глава 3. Десятка мечей в восьмом доме (все еще четырнадцатый день событий)

Вкомнате стоял полумрак, насыщенный тяжелым, но приятным ароматом курившейся палочки. На большом столе, покрытом красной, бархатистой на ощупь скатертью, горели две свечи, черная – справа от меня, белая – слева; в углах отблескивали стеклянные глаза совы (то было чучело) и другие, живые, – черного кота, раскормленного и важного.

Я сидел на старомодном и, наверное, потому очень удобном стуле, лицом, как было мне объяснено, к северу; напротив в антикварном полукресле расположилась хозяйка. Перед нею, обратившись к ней острием, на скатерти лежал продолговатый кристалл – скорее всего горного хрусталя, среднюю же часть стола занимали выложенные концентрическими кругами карты. Но не те, в какие проигрывали (да и теперь тоже проигрывают) состояния, а совсем иные и по величине – чуть ли не вдвое большего формата, – и по картинкам. То были карты Таро, о которых слышать приходилось немало, но сам я встретился с ними впервые. И хозяйка – вся в черном – медленно скользила взглядом по этим кругам, временами поднимала глаза на меня и снова переводила их на расклад. Расслабившись, я терпеливо ждал, когда она начнет определять мою судьбу.

Хотя пришел я к ней совсем не за этим.

В своей жизни я, как любой, наверное, ведущий не очень оседлый образ существования, встречал самых разных людей и (это уже свойственно не любому) сохранял память о каждом из них. Не ради какой-то выгоды; просто такое свойство, видимо, было присуще моему мозгу. То были люди разного достатка, общественного положения, самых несхожих профессий, принадлежавшие к обеим властям: «О» и «Т». Они всегда были мне интересны; может быть, потому, что я видел их не только снаружи, но и немного изнутри, мог – если требовалось – заглядывать в их мысли и думать точно так, как они; иначе и не сумел бы стать настоящим телохранителем, а потом и поисковиком, да и сделавшись, протянул бы не дольше бабочки-однодневки. Большинство этих персон – от известных политиков и деловых людей до самых настоящих люмпенов – относилось ко мне с таким же уважением, с каким я воспринимал их. Не раз – и когда состоял на Службе, и потом – я помогал кое-кому из них; и считал потому, что и у меня есть право обратиться к ним, если помощь понадобится мне самому. Вот как сейчас. Когда закончились общие беды, о которых уже рассказано, и начались мои личные.

Хотя я, откровенно говоря, полагал, что мне очень повезло. Моя серия оказалась третьей. А может быть, пули на мое имя и вообще не были еще выписаны: слишком мало времени для этого имелось у нападавших. Тогда мне еще не приходило в голову, что у них могли быть и другие намерения относительно меня.

Об этом размышлял я несколько часов тому назад, сидя на заднем сиденье в самом уголке автобуса, который мне удалось перехватить на дороге. Пассажиров было немного, в основном – местный народ, проезжавший три-четыре остановки, не более. Одни выходили, другие садились; каждого нового человека я оглядывал внимательно – что вовсе не означает, что я таращил на него глаза; умение наблюдать ненавязчиво – одно из первых, которым нас обучают, признав годными к ремеслу. Но на меня никто не обращал внимания; одет я был, как и все, нимало не выделялся, а сумки у большинства были еще поувесистее моей. Все-таки в этой части столичного пригорода оставались еще в силе земледельческие традиции, и даже через сотню лет, да и позже, многие тут еще будут копаться в огородах, привозя из города больше провизии, чем потом вывозя туда. Старая добрая привычка.

Я не случайно воспользовался автобусом вместо того, чтобы сойти у ближайшей остановки надземки. В пользу такого действия говорили, самое малое, два соображения.

Во-первых, медлительность передвижения. Мне нужно было какое-то время, чтобы разобраться в происшедшем и сообразить, что теперь делать и в каком порядке. Мне всегда хорошо думалось во время езды; может быть, легкая тряска заставляет мозг, а еще более – подсознание развивать больше оборотов. Может быть. Средство транспорта из семейства черепах давало мне и то, и другое. Можно было поразмыслить на тему: кто? И – что. Кто охотник, и что предпринять дичи, роль которой на этот раз выпало играть мне.

И во-вторых. С самого начала было ясно, что специалисты, прибывшие на место происшествия (а что это были профессионалы, я не сомневался), быстро разобрались в количестве останков: слишком мало времени и градусов было у огня, чтобы превратить все в обеих машинах в пепел. И, проведя инвентаризацию, они, конечно, уже установили недостачу одного персонажа. Сколько нас летело – они наверняка знали заранее: утечка информации из усадьбы Альфреда, вернее всего благодаря отпущенному нами с миром почтальону, казалась мне несомненной. Пройдет еще какое-то время, прежде чем они вычислят, что уцелел именно я. Однако команда на розыск будет отдана сразу, объявлены мы будем все трое, кого найдут – того и назначат виноватым. И в первую очередь станут проверять именно скоростные линии транспорта, понимая, что моя первая задача сейчас – оторваться от преследования как можно быстрее и дальше. Будут, конечно, приглядывать и за всем другим; но уж за такими чемпионами неспешности, как тот, на котором я поехал, – в последнюю очередь. Да и охотники пойдут уже не те. Другого розлива.

Автобус лениво протаскивал под колесами километры, а я, отвлекаясь лишь на остановках, очень серьезно думал, испытывая вроде бы давно забытое ощущение студента, не получившего трех дней перед экзаменом.

То, что удалось уцелеть при операции, вовсе не обещало мне спокойного будущего. Совсем наоборот. Если раньше угроза исходила с одной стороны, то теперь ее следовало ожидать самое малое с двух. А может, и больше. Чем дальше – тем большая уверенность возникла, что сторон было больше, чем две.

Что, собственно, произошло? В какую игру я ввязался, против кого вызвался играть и что, в конце концов, мог выиграть? Проигрыш мне был ясен: собственная жизнь.

До сих пор мне следовало опасаться лишь тех, кто был так или иначе связан с зернышками уракары. Но черт – а вернее, давно выработавшийся рефлекс – дернул меня стащить нечто, видимо, еще более серьезное. Для кого-то эта кристелла была весьма важна. Моя жизнь такой ценности для них уж никак не представляла.

Что же такое было на ней записано? Мог ли я сам этим как-то воспользоваться? Если лично для меня ее содержание интереса не представляло – может быть, имело смысл отдать кристеллу тем, кого она так интересовала, и тем купить для себя безопасность, чтобы спокойно заняться этой самой уракарой? Отчего бы мне не заглянуть в запись сразу же, пока автобус трюхает потихоньку и меня никто не беспокоит?

Такая возможность у меня была. Конечно, местные автобусы не оборудованы внешними компьютерами, но мик же куда не девался – сидит в голове, готовый к услугам. Однако чего никак нельзя было сделать – это вложить кристеллу в мик: наши биокомпы для таких операций никак не приспособлены, вводить в них информацию можно только мысленно. Для того чтобы считать что-то с внешнего источника, нужен своего рода сканер – не такой, конечно, какие применяются в работе с железом. Однако я давно уже жил по правилу: всегда быть готовым к любым неожиданностям, и поэтому такой приборчик входил в перечень необходимого снаряжения, которое я всегда таскал с собой. И вот сейчас он пришелся как нельзя более кстати.

Стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания, я извлек из кармана коробочку со сканером, а из сумки – футляр с кристеллой. Находившимся там же пинцетом вынул, принаравливаясь к тряске автобуса, кристеллу и так же осторожно вложил ее в гнездышко сканера. Включил и закрыл глаза, чтобы не мешать мику воспринимать информацию, передаваемую

приборчиком на высоких частотах. Легкая вибрация в висках свидетельствовала о том, что передача проходит нормально. Заняла она несколько секунд, и сразу же после этого можно стало вступить в диалог с миком, уже переварившим информацию.

Впрочем, это было лишь моим предположением. На мой вопрос мик ответил исчерпывающе: на кристелле не было записано ничего. Я усомнился: могло ли это быть? Кто стал бы с таким тщанием оберегать пустое зернышко? Может быть, сканер просто не справился с записью? Или использовался какой-то другой, не заложенный в него язык?

Все это было по меньшей мере странно, думал я, пытаюсь договориться с миком о новой попытке вскрытия пустоты – без особой, впрочем, надежды на успех.

Однако разочарование исчезло так же быстро, как и возникло, едва лишь мик принялся препарировать объект новым способом.

Оказалось, что на кристелле текст действительно существовал. Беда же была в том, что, кроме этого факта, ничего другого выяснить пока не удалось.

Первым, что возникло на мониторе, была надпись:

«Совершенно секретно. Коммерческая тайна. Только для адресата».

Ниже: «Личный суперкод номер шесть».

И – крупно:

«МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ 00485».

Я скомандовал мику показывать дальше.

Следующий кадр был: «Для прочтения документа введите разрешающий пароль».

И тут же – красные, мигающие строчки в рамке:

«Внимание! Попытка использовать неверный пароль приведет к полному стиранию записи!»

Несколько секунд спустя это предупреждение сменилось новым:

«ОСТОРОЖНО! Всякая попытка копирования текста вызовет его полное уничтожение».

Двенадцать белых кружков, в которых следовало разместиться буквам или цифрам пароля, тоже согласно мерцали.

С такими условиями задачи мне сталкиваться до сих пор не приходилось. И я вовсе не был уверен в том, что попытка безопасного проникновения в шифр по силам моему маленькому мику. Тут наверняка требовалось устройство, куда более мощное. Да и над программой следовало, наверное, поработать очень основательно. На ходу сделать это было невозможно – да и не нужно, пожалуй: сейчас главным был вопрос моей собственной безопасности. Кристеллу же надо было просто сохранить. До лучших времен. Самым подходящим выходом, конечно, было бы – скачать текст в мик; но я был предупрежден о невозможности копирования. Был, правда, способ обойти этот запрет. Заключался он в том, что в память мика (или любого другого компьютера) переносился не записанный на кристелле текст, но вся ее молекулярная структура – включающая в себя, разумеется, и все сделанные на этом носителе записи. Но для такой операции нужно было серьезное стационарное оборудование, которого здесь у меня, конечно же, и быть не могло. Таким способом кристеллу можно было бы, не расшифровывая, даже размножить; ну, а тогда появилась бы и возможность расшифровки; во всяком случае, можно стало бы предпринимать попытки, не боясь безвозвратно утратить запись.

Однако все это было осуществимо только в будущем – том, в котором у меня будут безопасность и нужное снаряжение. Но сейчас, в автобусе, я не имел ни того, ни другого.

Пока что можно было лишь размышлять о том, в какую еще историю я вляпался.

Иными словами – не имела баба хлопот... Или, еще точнее: мало ему того, что он негр, так он еще читает еврейскую газету!

На самом деле мне было не до древних анекдотов.

Люди, от которых я сейчас старался спастись, не были настолько наивными, чтобы сразу поверить, будто предмет их интереса сгорел. Они просеют все через самое мелкое сито, и когда убедятся, что футлярчика с кристеллой и даже его остатков в несгораемом кейсе нет, – поймут, что записи исчезли вместе со сбежавшим человеком: со мною. И машина поиска закрутится уже всерьез.

Каков этот механизм, мне было неплохо известно. Казенный или частный, «О» или «Т» – оба они примерно одинаково мощны. Некоторое время можно от него скрываться. Залечь глубоко на дно. Лежать и не дышать. Нужно только найти самый глубокий омут. Но если это даже удастся, долгое залегание – то, чего я сейчас не могу себе позволить.

Потому, что надо выполнять работу, за которую мне уже заплатили; пусть и не все, но достаточно много. Может быть, я даже никогда не получу второй половины; как говорится – честь дороже.

И по другой причине. Если уж я оказался владельцем товара, имеющего немалую ценность (судя по тому, с каким рвением за ним погнались совсем разные люди), а следовательно, сулящего немалую прибыль, если его умело выставить на продажу, то вряд ли самым разумным будет долго держать его под спудом: секретная информация хороша, пока она свежа, в наши времена быстрых перемен она портится быстро и еще быстрее падает в цене. Мне же нужно взять за нее максимум возможного – чтобы уже после этого залечь, исчезнуть, раствориться по-настоящему далеко от этих мест и в достаточно комфортабельных условиях. Надолго; может быть, даже на всю остающуюся жизнь. Хотелось верить, что она будет продолжительной. Поменьше риска в будущем, внушал я себе. Достаточно я подставлял свою шкуру до сих пор.

Но попасть в руки преследователей – то была лишь первая опасность. Вторая же, по моему разумению, была ничуть не меньше.

Как уже говорилось, организации Спутников телохранителей чрезвычайно заботятся о своей репутации. И всякая неудача – а гибель охраняемого в твоём присутствии удачей никак не назовешь – вызывает немедленное и суровое расследование со стороны твоих же коллег. Что ты сделал, а вернее – чего ты не сделал, чтобы он уцелел? Случайность? Случайностей для нас не должно существовать. Непреодолимая сила? Какая же? Против вас выступал десантный полк? Ах, одна машина и один стрелок – баба к тому же? Неубедительно. А может, все куда проще? Сколько тебе заплатили? Нет? А почему же тогда ты уцелел? Тебя пожалели? Младенец в материнской утробе, и тот тебе не поверит!

Вот такими будут разговоры, и после каждого из них ты станешь все более смахивать на верблюда и все меньше в тебе будет оставаться от человеческого облика. Кто-то впредь до выяснения перестанет подавать тебе руку, кто-то еще будет – и после беглого прикосновения бессознательно вытрет ладонь платком или просто о штаны. Допустим, мне ничего не докажут (я-то знаю, что ничего такого не было), но и я им ничего доказать не смогу. И через день-другой я просто исчезну. Ликвидируют свои – чтобы доказать всем заинтересованным, что они тут ни при чем и виновного наказывают самой полной мерой. И, кстати, еще и затем, чтобы, когда к ним обратятся (непременно!) те, кто сейчас ищет меня с кристеллой, – развести руками и, честно глядя в глаза, молвить: «Сами ищем, но пока о его местонахождении сказать ничего не можем. Как только узнаем – да, конечно же, сообщим сразу же! А что он – в чем-то замаслился? Ах, сукин сын!» И такое случалось.

Так что рассчитывать на солидарность мне в этих обстоятельствах не приходилось. Лучше было вообще больше среди своих не возникать. Кстати, и вот еще почему: мне вовсе не хотелось, чтобы наши волкодавы (а они у нас из лучших, потому что получают куда больше казенной ставки) копались в моей биографии. Могло ведь в ней оказаться что-то такое, что мне не хотелось обнародовать. У каждого есть право на свои маленькие секреты. Но в нынеш-

них условиях было бы очень невыгодно рвать связи с серьезной организацией: как знать, ее содействие могло еще понадобиться при выполнении той работы, за которую я взялся.

Нет, никак не следует рисковать излишне...

Чтобы не рисковать излишне (тут же просигналило подсознание), нужно сойти немедленно. На первой же остановке. А еще лучше – до нее. Потому что уже на этой остановке, похоже, в автобус войдут розыскники. И хотя есть немало способов благополучно проскользнуть, каждый из них связан с тем самым риском, которого мне сейчас хотелось избежать. Наверное, я, подчиняясь азарту, рискнул бы – не будь у меня в сумке футляра с записями. Раньше в подобных случаях я, сознательно или подсознательно, рассуждал так: в конце концов, что я могу потерять, кроме жизни, а так уж ли она дорога, чтобы трястись за нее? Но как только в твоём распоряжении оказываются какие-то ценности (необязательно материальные), сразу начинаешь воспринимать жизнь иначе. Нелепое создание человек, ничего не скажешь.

Итак, сойти, не дожидаясь остановки. Проще некуда – подойти к шоферу и сказать: при тормози тут, друг, я слезу. Но это не годится: если даже я заставлю его – да и всех попутчиков тоже – сразу же забыть о соскочившем пассажире, там, на остановке, всех их в два счета заставят вспомнить. В команде найдется хоть один, обладающий теми же способностями, что и я; ну, пусть и в меньшей мере – но тут и не надо быть семи пядей во лбу. И сразу станет ясно, в каком районе следует искать ускользнувшего. Нет, затормозить водила должен по своей инициативе. И заняться чем-то, что заставит его не заметить, что один из ездовых покинет его средство передвижения.

Я устроился поудобнее и закрыл глаза. Заработал третий глаз. Я успел немного отдохнуть, и способности мои восстановились, пусть и не в полной мере. Я увидел мотор; находился он почти у меня за спиной – немного пониже только, в моторном отсеке. И понял, что мне не повезло. Дизель. Не электрик, и уж подавно не статик, какие стоят на скользунах. И черт его знает, как еще ухитряются ездить такие вот памятники древности – но вот же ездят. Дизель. А значит – не то что силовой батареи нет, но даже никаких свечей, никакой катушки – а я рассчитывал и здесь устроить небольшое замыкание; пока водила разберется, меня и след бы простыл. Но этот вариант сам собою отпал.

Перекрыть топливо? Пока я разберусь, где тут у него что, удирать станет поздно. Нужно что-то другое.

Другое находилось неподалеку – чуть впереди, ниже и правее. Ближайший скат. Я напрягся. Техника под стать всему автобусу: камерная шина с ниппелем. Задача для телекинетов второго года подготовки. Они, правда, делают это, как следует отдохнув. Но ведь и я – не второгодок. Будь колесо неподвижным, это вообще было бы не задачей, а развлечением. Но оно крутилось, скотина этакая, и достаточно быстро: участок дороги был как раз прямым. Я потратил несколько секунд, чтобы приноровиться, войти в ту же циклоиду, которую описывало подлежащее воздействию устройство. Потом, не открывая глаз, напрягся до возможного в тех условиях предела и четко представил, как крышечка, удерживающая ниппель, начинает откручиваться – сперва медленно, очень медленно, поворачивается на градус-другой, с трудом поворачивается (я ощутил пот, выступивший на лбу, но надеялся, что никто не поймет причины его появления, если и заметит), потом – легче, быстрее, вот уже полный оборот – один виток резьбы пройден, сколько их всего? Четыре, пять? Ну давай, давай!

Змеиное шипение – и сразу ощутимо затрясло. Меня, как и всех, качнуло вперед: водила тормознул. Вылез. Сквозь стекло было слышно, как он декламировал национальные заклинания – и очень выразительно. Потом, отведя душу, полез в свой подвал – выкатывать запаску и ставить домкрат. Находился он с той же стороны, что и пассажирская дверь; однако колесо я предусмотрительно выбрал на противоположном боку. Я тем временем оглядел салон. Пассажиры, дремавшие после трудового дня, подняли было головы при торможении, однако, убедившись, что опасности нет, повесили носы снова, кто-то даже уютно захрапел. Водила уже

перенес домкрат; я почувствовал, что перекосившийся было пол начал выпрямляться. Шофер снова промаячил под окном; на сей раз покатило колесо. Выждать, пока не начнет звякать колесный ключ. Вот! Теперь самое время.

Я подхватил сумку и прошел вперед, стараясь никого не задеть. Не задел. Выглянул из двери. Пустынно. Очень хорошо. Сразу – через обочину, в кусты. И – постоянно контролируя пространство – подальше отсюда. Куда глаза глядят...

Глаза, однако, глядели не куда-нибудь. Потому что нужное мне место я определил заранее. Условий было два: оно должно было находиться ближе всех прочих к точке, в которой сейчас находился я, и в нем можно было рассчитывать получить определенную помощь. Хотя и далеко не полную.

Таким кратковременным приютом должно было, по моей прикидке, стать обиталище некоей дамы, обозначавшейся у нас кличкой Пифия.

Дама эта была владелицей салона оккультных услуг, единственного в этом районе. Сказать о ней «гадалка» было бы чересчур пренебрежительно: в своем деле она, как признавали специалисты, имела гроссмейстерский ранг. Вообще такого рода заведения относятся к достаточно тонкому слою, разграничивающему полностью законные и полностью незаконные способы деятельности – и, конечно, людей, этими способами пользующихся. Ее бизнес официально был признан, однако постоянно находился как бы под сомнением; такого рода деятельность можно с равными основаниями признавать и не признавать. Время от времени отношение властей меняется – и бизнес уходит в подполье, подобно граду Китежу, погружившемуся, как все помнят, в воды озера. Проходит время, отношение меняется – и бизнес вновь идет на всплытие, как анниракетная субмарина после боевого похода. Но даже когда он покидает глубины, все возникшие или возобновленные в подпольном мире связи, знакомства и деловые отношения сохраняются – так же как все это сохраняется и на поверхности во время погружения. Так что я направлялся к ней не затем, чтобы она попыталась заглянуть в мое будущее, но за помощью гораздо более прозаического свойства, потому что ее опыт и связи в деле глубокого залегания были – надо признать – куда более обширными, чем мои. Хотя была она вовсе не каргой, как можно подумать, но женщиной достаточно молодой и весьма пригожей.

Прежде чем попасть к ней на прием, пришлось обождать почти час: клиентуры у нее хватало, репутация прорицательницы обладала прямо-таки алмазной твердостью. Я бывал здесь не раз – не по своим делам, но сопровождая одного из предыдущих нанимателей: люди такого пошиба всегда озабочены будущим, и расходы их на предсказания бывают весьма значительными. Не только на гадалок, разумеется; но и на них тоже. Поэтому, ожидая, на всякий случай сел поближе к дверке, которая вела, как мне было известно, в служебные помещения, а через них – к черному ходу. Топографию эту я усвоил, когда тщательно исследовал весь дом перед тем, как доставить сюда моего тогдашнего клиента, и повторял операцию при каждом новом визите, просто так – чтобы проконтролировать интуицию. На сей раз я ей доверился – маячить и привлекать к себе лишнее внимание я счел излишним.

Пока я ждал, никакой опасности не возникло, и я, когда пришла очередь, спокойно вошел в кабинет – или келью, как сама Пифия называла это помещение.

Хозяйка лишь выражением глаз дала понять, что узнала меня, а легким движением бровей успешно выразила некоторое удивление.

– Сегодня в гордом одиночестве? – перевела она удивление на язык звуков. – Услуга нужна тебе самому?

Я только кивнул, памятуя, что молчание – ограда мудрости.

Хозяйка чуть улыбнулась:

– Здесь надежно.

Я снова кивнул, понимая, что она имела в виду.

– Садись. – Она указала на стул. Я не заставил ее повторять. И решил наконец нарушить молчание.

– У меня – острая ситуация...

Жестом она остановила меня:

– Не надо. Разберусь сама.

Слева от нее, на маленьком круглом столике, лежало несколько кожаных футляров, содержащих, как я помнил, колоды карт Таро разного формата и облика, хотя рисунок на большинстве их принадлежал одной и той же системе. Повернувшись к столику, хозяйка с минуту медлила, выбирая, видимо, наиболее подходящий гарнитур. Взяла, наконец. Карты были завернуты еще и в красный шелковый платок. Развернула. Разделила на две равные стопки и неуловимо-ловкими движениями пальцев перетасовала их.

– Да мне, собственно, не это... – попробовал возразить я.

Она покачала головой и погрозила мне пальцем. Сказала:

– Возьми кристалл. Сосредоточься на нем. Чтобы он тебя почувствовал как следует...

Чуть заметным пожатием плеч я выразил свое отношение к этому делу, но сопротивляться не стал: тут ее монастырь – значит, и устав ее. А поговорить можно будет и в процессе. Пожалуй, так даже лучше: если кто-то заглянет – увидит лишь нормальный сеанс и ничего больше.

Я взял кристалл и обхватил его ладонями. Возникло странное ощущение: как будто я держал в руках живое существо. Хозяйка тем временем зажгла свечи и ароматическую палочку. Еще через минуту проговорила:

– Хорошо.

И принялась неторопливо раскладывать карты на красной скатерти. Одно кольцо из двенадцати карт. Вокруг него – второе. Третье. Мелькнула шкодливая мысль: сейчас последует традиционное «Позолоти ручку». Нет, ничего подобного я не услышал. Закончив расклад, хозяйка некоторое время рассматривала его, переводя взгляд от карты к карте – слишком, как мне показалось, долго. Потом поджала губы:

– Да, завидовать тебе я не стану.

– Знаю сам. Мне нужно...

И снова она остановила меня:

– Потерпи немного. Значит, так... Недавнее прошлое: очень большая неприятность. Угроза жизни, но исход благоприятный. Большой обман. Растерянность. – Она подняла глаза. – Соответствует?

– Пожалуй... – пришлось признать мне.

– Настоящее. (Пауза.) Пожалуй, не лучше. Десятка мечей в восьмом доме: вот она, видишь?

– И что же это?

– Убийца. И еще – перевернутая Башня. Смерть. Весьма вероятная в ближайшее время. – Она еще помедлила. – И не из одного источника. Из трех. – Она немного помолчала. – С деньгами у тебя сейчас благополучно. Но очень, очень ненадолго.

– Плохи мои дела, – сказал я почти весело. Пифия же не обратила на мой тон никакого внимания. Она продолжила:

– Но есть шансы. В седьмом доме король пентаклей – сиречь человек, который может помочь. И дальше – смотри, как удачно: восьмерка пентаклей, тройка жезлов в одиннадцатом доме, и к тому же еще Колесничий.

– А в переводе на рабоче-крестьянский?

– Бежать. Быстро. И далеко. Бежать с планеты: здесь тебе сейчас не уцелеть, видишь сам.

– М-да, – проговорил я на сей раз без восторга. – Сейчас, да еще мне – очень не просто. Дело в том...

Она выставила ладонь, как бы защищаясь:

– Не нужно. Свое я узнаю через карты – это до сих пор не признается судебным доказательством. Не имеет юридической силы. Иначе мне не хватило бы времени таскаться по судам свидетелем. Твои обстоятельства ты знаешь – и знай на здоровье. Мне они ни к чему.

Я понял ее и согласно кивнул:

– Я и не собирался исповедоваться. Просто подумал вслух: будет трудно.

– Легко только ушедшим. Да и то – как кому. Касательно же твоих проблем – я ведь сказала: король пентаклей поможет.

– Ну да. Который в седьмом доме. Может, дашь адресок?

Хозяйка усмехнулась чуть иронически:

– Другому бы не дала. Но тут, – она округло повела рукой над картами, – в твоём будущем есть неплохие перспективы. Очень неплохие. Правда, до них еще пахать тебе и пахать, так что я сейчас их раскрывать не стану: расслабишься – и испортишь картину самому себе. Адрес же твоего короля – запомни...

Она продиктовала мне адрес – вполголоса, вопреки своим же заверениям. Впрочем, лишняя предосторожность никогда не мешает, такое поведение я одобряю. Я выслушал и запомнил, и уже начал прикидывать, как мне добраться туда с наименьшим риском.

– Спасибо на добром слове. – Я отодвинул стул, встал. – Сколько я тебе должен?

Названная сумма едва не заставила меня поморщиться: я рассчитывал отделаться меньшим. Но спорить не приходилось. Я вынул карточку. При виде ее она покачала головой:

– Нет. Понадобится – проследят, с какого счета перевели. А я этого не хочу. Только наличными.

– Боюсь, что не хватит.

Она усмехнулась:

– Остальное отдашь потом. Видишь, как я верю в твою судьбу.

– Отдам, – согласился я, опустошая карманы. – Выйти черным ходом?

– Ни-ни. Все открыто, все легально. Ничего: они еще не близко.

Моя интуиция подсказывала то же самое.

– А кто такие «они» – карты не показывают? – спросил я со слабой надеждой.

Она ответила чуть ли не с обидой:

– Знаешь, тут не сыскное бюро все-таки... Хотя насчет одного могу немного прояснить.

Официальная Служба.

Так-так. Интересно. Хотя я и сам ведь предполагал...

– И на том спасибо. Ладно. Да, кстати...

Это «кстати» было, по сути дела, главной причиной, по которой я здесь оказался, куда более важной, чем выяснение моих далеких перспектив. Но заводить этот разговор казалось мне уместным лишь после того, как деньги будут уплачены. Сейчас это условие было выполнено, и стало можно спросить:

– Кстати: помнится, у тебя в задней комнате стояла кое-какая аппаратура. Она еще сохранилась?

Пифия, похоже, не удивилась вопросу. Подняла на меня спокойный взгляд:

– Стоит на месте. Но в каком состоянии – не знаю: я ведь ею не пользуюсь.

Я кивнул. Аппаратура осталась от ее старого друга, в свое время принадлежавшего к достаточно узкому кругу компкорсаров; он был одним из первых, если только не самым первым человеком, сумевшим разработать методику беспрепятственного вхождения в любой мик; а ведь каждый микробиокомпьютер – это, по сути дела, единственная и неповторимая схема, точно так же, как носитель его – единственная и неповторимая личность, так что взлом любого мика – задача в высшей степени творческая. Будь он жив, у меня бы вообще не воз-

никло проблем с сохранением зашифрованного текста – да и с поисками ключа к нему. Увы, все мы в этом мире лишь временно. Так что придется потеть самому.

– Ты позволишь ненадолго воспользоваться этой техникой?

Она самую малость поколебалась: для нее все это железо было как бы памятником ушедшему. Но все же решилась:

– Давид всегда хорошо к тебе относился...

– Спасибо.

– Но, надеюсь, ты там ничего не испортишь? – поспешно прибавила она.

– Вандализм – не в моих правилах.

Кажется, это ее успокоило.

– Проводить тебя?

– Не надо. Я помню.

– Постой. Возьми ключ. Ты надолго там засядешь? Я собираюсь выпить чаю – присоединись?

– С удовольствием – в другой раз. Ты ведь знаешь: дело прежде всего.

– Ну, иди.

Она как раз успела выпить свой чай, когда я сделал то, что было нужно. К моему удовольствию, в дальней комнатке сохранилась не только аппаратура; там нашлись даже чистые кристаллы, четыремя из которых я воспользовался. Ей об этом заимствовании я решил не говорить: как знать, может быть, они тоже входили в категорию охраняемых памятников?

Разобравшись с кристаллами, я решил, что успею сделать привычную медитацию. Так и поступил. Но без какого бы то ни было результата. Я никого не увидел и не услышал. Сейчас я уже не был достоин такого общения. Мой новый (то есть не очень хорошо забытый старый) образ жизни намного понизил мой статус – там, наверху, среди Посвященных. Я заранее знал, что так будет; но иного пути у меня не было. И они это тоже знали. Просто какое-то время – до конца операции – мне предстояло сражаться в одиночку.

Впрочем, если быть точным – не совсем...

Можно было на этом и закончить. И даже нужно было. Однако я не смог противиться искушению – а оно было очень сильным – пробежаться, хотя бы беглым взглядом, по архивам покойного Давида: если даже половина ходивших о нем легенд соответствовала истине, в его файлах должна была находиться своего рода современная энциклопедия.

И я стал наскоро шерстить его каталог. Было немало интересного – но не для меня, или, во всяком случае, не сейчас. И последнюю из намеченных дирекцию – называлась она «Казусы» – я проглядывал уже автоматически. Протянул руку, чтобы выключить машину. Но интуиция заставила помедлить: вероятно, потому, что мелькнуло слово «Синера», в моем подсознании успевшее крепко срастись с именем Вериги. Синера? Что там о ней?

«Гражданско-судебная палата Верховного Суда Федерации приступила к слушанию дела по иску эмигрантского правительства мира Тернары к правительству мира Синеры о признании незаконными действий ответчика по заселению Тернары путем массовой эмиграции синерианского населения и о реэмиграции переселенцев на Синеру, а также о возмещении правительству и населению Тернары убытков, понесенных вследствие означенных действий правительства и населения Синеры. Суть иска заключается в следующем: два года тому назад, в апреле 2675 года Конвенции, правительство Синеры предприняло массовый вывоз значительной части своего населения на Тернару, принадлежащую к той же системе Фламы и колонизированную восьмьюдесятью годами раньше, чем было начато освоение Синеры. Синерианские иммигранты не приняли никаких мер для освоения ненаселенных территорий Тернары (мало-пригодных для проживания и хозяйствования людей вследствие извечного недостатка влаги и

отсутствия почв, годных для возделывания растений), но обосновались на изначально освоенных первыми переселенцами землях, нередко даже просто вытесняя старожилов не только с полей, но и из жилищ. В результате уже в середине второго года иммиграции все потомки первопроходцев оказались полностью исключенными из всякого производства, вынужденными мигрировать в леса и ополья, где перешли к собирательскому образу жизни – проще говоря, к одичанию (в той мере, в какой природа предоставляет такие возможности в населенных широтах Тернары). В настоящее время значительно уменьшившийся в численности народ Тернары загнан, по сути дела, в резервации, где, по существу, вымирает. Иными словами, фактически на планете запущен процесс геноцида в отношении человечества Тернары. Правительство этого мира вынуждено было эмигрировать на Астрею, будучи совершенно лишенным возможности сколько-нибудь эффективно влиять на положение дел в государстве вследствие отсутствия какой-либо связи с нацией, поскольку вся инфраструктура планеты уже полностью перешла в руки иммигрантов. Представители ответчика, коим является правительство мира Синеры, не отрицая самого факта массовой миграции синериан на Тернару, в качестве оправдания действий Синеры выдвигают следующие аргументы: миграция была предпринята не вследствие избыточного роста населения на Синере, хотя и этот фактор принимался во внимание, но в первую очередь потому, что за последние полтора или два года население Тернары, за редкими исключениями, совершенно прекратило ведение на планете какого бы то ни было продуктивного хозяйства и перешло к собирательскому образу жизни значительно раньше, чем на этой планете высадились первые иммигранты. Тернаряне никоим образом не протестовали против прибытия синерианских жителей, напротив, восприняли их появление как благо, поскольку умирающие хозяйства начали восстанавливаться руками синериан, и некоторая часть производимого продовольствия и иной продукции передавалась коренному населению как бы в качестве арендной платы. Доказательством именно такого отношения тернарян к людям Синеры является тот факт, что ни разу не было предпринято попытки вооруженным сопротивлением или иным способом помешать деятельности безоружных, по сути дела, иммигрантов – хотя, во всяком случае в первое полугодие, численное превосходство коренного населения над пришельцами было более чем стократным. Никоим образом не соответствует истине заявление истца о том, что тернаряне вытеснялись из своих жилищ и производственных площадей как в сельском хозяйстве, так и в промышленности; на самом деле жилища, поля и цеха были покинуты их обитателями и работниками (включая руководство) задолго до начала операции по переброске синериан. В деградации населения Тернары, таким образом, никак нельзя винить представителей Синеры: всякое ведение разумного хозяйства было прекращено на Тернаре задолго до появления иммигрантов. Иммиграция явилась следствием деградации, но не ее причиной...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.